

Елена Бурунова

Откровение

*«Не судите, да
не судимы будете...»*

Елена Бурунова

**Откровение. «Не судите,
да не судимы будете...»**

«Издательские решения»

Бурунова Е. М.

Откровение. «Не судите, да не судимы будете...» /
Е. М. Бурунова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837145-5

То, о чём не говорят хорошие девочки... Всё в нашей жизни предопределено, и каждый наш шаг к чему-то приводит. Этот шаг не останется не замеченным даже в судьбах тех, кто только соприкоснулся с нами. Кто прошёл мимо, лишь кинув взгляд в нашу сторону. Ты можешь выбрать размеренную семейную жизнь, полную обыденной скуки. А можешь броситься в пропасть собственных страстей. Откуда нет пути назад. Так поступила я.

ISBN 978-5-44-837145-5

© Бурунова Е. М.
© Издательские решения

Содержание

ВМЕСТО ПРОЛОГА	6
ЧАСТЬ 1. 1937—1941 годы	7
ГЛАВА 1. Семья	7
ГЛАВА 2. Жених	11
ГЛАВА 3. Свадьба	15
ГЛАВА 4. Красный платок	21
ГЛАВА 5. Бабушка Есфирь	27
ГЛАВА 6. Позор семьи	33
ГЛАВА 7. Старый знакомый	36
ГЛАВА 8. Любовница	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Откровение «Не судите, да не судимы будете...»

Елена Михайловна Бурунова

© Елена Михайловна Бурунова, 2018

ISBN 978-5-4483-7145-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВМЕСТО ПРОЛОГА

«Не судите, да не судимы будете»

Ты позвал — я пошла за тобою,
По дорогам опалёнными войною.
Я забыла о долге и чести...
И о жаждущей людской мести.

Я пошла, спотыкаясь на каждом шагу.
Иногда мне хотелось кричать: «Не могу!»
С осуждением в глазах провожали меня
Да, я преступница! Я всех вас предала!

Я пошла за тобою на древнейший зов
Растоптав завещания отцов и дедов!
Я пошла за тобою – ни о чём не жалею.
Только жалко, что мало была я твоею.

Когда спросят меня – почему и зачем,
Я пошла за тобою в этот совести плен?
Я отвечу, укутавшись в чёрный платок,
За любовью пошла, а любовь не порок!

Посвящаю всем женщинам.

ЧАСТЬ 1. 1937—1941 годы

ГЛАВА 1. Семья

Я родилась в Сенно. Это маленький провинциальный городок в Витебской области. Сенно вошло в состав Российской империи в 1772 году. А после революции в составе Витебской губернии присоединилось к РСФСР. Окончательно Сенненский уезд стал советским, когда мне исполнилось три года. Такого знаменательного события я не помню. Знаю, что мало кто этому радовался. Моя мать, точно не горела желанием быть гражданкой этой страны. Хотя она и была русской. Жить в Российской империи ей нравилось больше, а коммунистов она недолюбливала. Причины у неё на это были веские.

Когда мои глаза впервые увидели свет, был ужасный ураган с сильным ливнем. Старая еврейка, принимая меня, сказала матери: «Видно, ребёнка ждёт бурное будущее». Мать скупо улыбнулась. Она всегда так улыбалась, смотря на меня. Старушка-акушерка передала новорождённую матери, но она не взяла меня на руки. Мама резко отвернулась, только посмотрев на моё уже красное от крика лицо. Одного взгляда было достаточно, чтобы мать узнала знакомые черты. Природа подарила мне красоту бабушки. Слово само проведение посмеялось над мамой, напомнив ей о лучшей беззаботной жизни. От этой жизни мама отказалась сама. Не знаю, что чувствовала мать, увидев моё лицо. Наверное, страх, что теперь глаза, брошенной ею матери будут преследовать её всегда. Моими глазами на неё будет смотреть с укоризной Елизавета Ростопчина.

От раздумий маму отвлек хриплый голос Эсфирь Исааковны:

– Имя хоть дашь ей?

– Да, – быстро ответила Анастасия Николаевна, – Лиза.

Больше мама ничего не сказала. Роды были тяжёлыми. Она устала.

Бабушка Эсфирь рассказывала мне о ночи моего рождения. Мать не любила об этом говорить. Она могла часами вспоминать, как ждала Анечку. Как счастье накрыло её, когда малышку дали ей в руки. Но, стоило мне спросить: «А я? Как появилась я?». Мама морщила лоб. Скупо улыбнувшись, уходила хлопотать по хозяйству. У неё резко появлялись неотложные дела. По прошествии нескольких лет я узнала, почему мама недолюбливала меня. Да, её материнские чувства ко мне были не так сильны, как к Ане и Коле.

Тайна, которую мама пыталась всегда скрывать, вдруг обрела реальные черты. Моё рождение стало самым кричащим напоминанием о её неправильном происхождении.

Анастасия Николаевна Зарецкая до замужества носила благородную фамилию Ростопчина. Её мать, мая бабушка, Елизавета Гавриловна Ростопчина дочь обедневшей дворянской ветви князей Ростопчиных. А ещё, Елизавета Гавриловна была балериной в императорском театре и по совместительству любовницей очень влиятельных особ до революционного прошлого. Красавица Лиза отличилась и работой на охранку. Бабуля на выгодных условиях делилась с тайной полицией тайнами своих покровителей и случайных знакомых.

Так почему дочь такой прозорливой женщины осталась в рухнувшей империи и не укатилась с мамочкой в Париж. Всё просто. Настя влюбилась.

В 1917 году Ростопчина младшая помогала в госпитале для раненых. Пример дочерей императора был заразителен. Ухаживая за солдатами, она познакомилась с молодым Зарецким. Его раны быстро заживали под присмотром Анастасии. Всё шло к тому, что скоро Зарецкого опять отправят на фронт. Но не отправили. Февральская революция. Николай Второй отрёкся от престола в своей ставке в Могилёве в пользу брата. Михаил Александрович отдал власть учредительному собранию. Началась такая кутерьма. Октябрьская революция. Гражданская

война. Красный террор. Голод. Разгул преступности. Полное падение веками создаваемой христианской нравственности.

Елизавета Гавриловна с очередным любовником – покровителем стояла на перроне вокзала, ожидая поезда в Финляндию. Россия для неё перестала быть родиной, как только бедные разорили богатых. За счёт последних бабушка неплохо жила. Елизавета Гавриловна от нечего делать отчитывала дочь за глупости. Под глупостями госпожа Ростопчина имела в виду любовь. Эти чувства пагубны для юной особы. Бабушка вообще не верила в любовь, считая золотые монеты и счёт в банке более привлекательными для женщин. Только мама не слушала таких речей. Оглядываясь по сторонам, она искала глазами Семёна Зарецкого. Её возлюбленный появился в самый последний момент, когда объявили об отправке поезда.

Зарецкий ворвался в купе, ударил по лицу протестующего нового отчима Насти. Схватил за руку любимую, и они выпрыгнули из вагона идущего поезда. Напрасно, мать, держась за поручень, звала дочь:

– Настя вернись! Ты сама потом пожалеешь!

Анастасия Ростопчина всё равно не слышала. Отдаляющийся голос матери слился со свистом поезда.

Мама пожалела, но потом. В новую жизнь она входила, сильно сжав ладонь самого смелого и сильного мужчины на земле. Так считала мама пока не приехала в родной город Зарецкого и не поселилась в ветхой хатке. Кстати, Анастасия Ростопчина и одеться сама не могла, не то, что заварить чай. Насте Зарецкой пришлось делать всё по дому, а ещё выслушивать нытьё вздорной свекрови. Муж только разводил руками на жалобы Насти.

– Сами разберётесь, – бубнил он, уходя на службу.

Жандармерию переименовали в милицию, но суть от этого не изменилась. Как и раньше за порядком кто-то должен был следить. Особенно теперь, когда Гражданская война окончена. На пепелище Российской Империи пробивался молодой и слабый росток СССР.

Мамина сказка закончилась ещё раньше, до приезда в Сенно. В декабре 1918 года родилась Аня. Моя старшая сестра. Вот её мама очень любила. Анечка была вылитая мать. Ей посчастливилось родиться в период эйфории от любви. Мать и отец жили ещё в Петербурге и проблемы быта пока не нависли чёрными тучами над их голубым небом. Первые ласточки разочарования прилетели к маме, когда Семён не мог достать лекарства для заболевшей Ани. Сестра чудом осталась жива. Благо в соседней комнате жил врач. Потом нехватка продуктов и полное бездействие мужа добились маму окончательно. Оказывается, обещания вечной любви ничто перед голодом. Единственным правильным решением отца было уехать из города. Каменный город не сможет прокормить, как земля. Осенью 1921 года молодая семья приехала в Сенно Витебской губернии. Как раз перед самым моим рождением. В октябре 1921 года в этот несовершенный и жестокий мир ворвалась я. Через два года после меня родился Николай. Коленька, как ласково его называла баба Тая. Она до безумия любила светло-русого мальчугана.

Таисия Павловна часто говорила:

– Вот это точно мой внучок. Настоящий Зарецкий! Весь в деда и отца.

Аня слишком похожа на нелюбимую невестку, а я отдельная тема для разговора.

– Угораздило родную кровиночку жениться на чужой. На московитке, – ворчала баба Тая после очередного скандала с Настей. – А Лизка – подкидыш! На кого похожа эта девка? У нас в роду отродясь таких не было! Ни на отца, ни на мать! Точно дитя ведзмы. Говорила сама разродится, а он жидовку старую кликнул. Она ж ещё та, прорва была.

Баба Тая недолго мучила маму и нас своим злым языком. В 1930 по весне Таисия Павловна заболела воспалением лёгких. Она не доверяла врачу, а в особенности аптекарю еврею. Лекарства не принимала, посчитав, что всё само пройдёт. Только не прошло.

Я хорошо помню похороны. Народу было немного. Только родные и соседи. Бабу Таю недолюбливали за резкость в выражениях. Отец плакал тайком от всех. Мама спокойно стояла в стороне. Она даже не пошла, провожать свекровь. Аня, как отец, тоже пустила слезу. Но не от тоски, а скорее от доброты душевной. Я, как и мать, не пролила ни одной слезинки. Не могла заставить себя оплакивать женщину, называвшую меня «подкидышем». Коля был слишком мал, чтобы понять сущность бытия. Его детский разум ещё не понимал, что иногда люди уходят навсегда. Понимая это в свои четыре года, братик рыдал бы. Для него бабушка Тая была самым дорогим человеком. Он знал её с лучшей стороны, чем мы.

Вот моя семья. Несчастливая и не такая уж несчастная. Обычная для маленького городишка.

Мать холодная и сдержанная. Я раньше думала, что мама никого не любит. Правда, с годами я разгадала её тайну. Мама всегда была такой. Издержки воспитания дореволюционной России. Девочек из дворян учили быть ледяными куклами без души. Мама растаяла только раз, позволив себе влюбиться. Она подарила всю себя Семёну. Он обещал милой барышне жизнь полную счастья и любви. Он уверял, что превратит их брак в рай на земле, но вышло всё иначе. Её жизнь походила на ад. Подумать только, как сильно возлюбленный разочаровал её. Может, представление о счастье у разных слоёв общества такие же разные, как они сами. Мамино счастье – это лёгкая и красивая жизнь, полная приёмов, подарков и армии прислуги. У отца и того примитивней. Однажды я спросила его, что для него счастье? Он ответил: «Счастье, доченька, когда из печки достают сытую с маслом кашу и она не последняя». Вот настолько они были разные. Эту пропасть между ними смогла убрать только любовь. И к сожалению, ненадолго. Первые же проблемы разрушили хрупкий мостик между ними. Елизавета Ростопчина была права. Настя пожалела. Только было уже поздно. Страна изменилась, и родились мы. Вот мама и закрылась ото всех и поплыла по течению скучной жизни.

Жизнь в лишении научила её многому, но хорошей хозяйкой она никогда не была. Анастасия Николаевна была талантливым учителем по русскому языку и литературе. Большую часть своего времени она отдавала школе. Домашние дела её угнетали.

Семён Прохорович Зарецкий был самым спокойным мужчиной, которого я знала. Он никогда не спорил с матерью. Она могла часами пилить его, а отец даже не реагировал. Папа тихо ел за столом, кивая в знак согласия. Читал газету, отвечая жене одно монотонное: «Да, Настенька». Когда была жива баба Тая, такие ссоры супругов перерастали в настоящие скандалы. Таиса Павловна вставала на защиту единственного сына. Ругаясь между собой женщины, не замечали, как отец уходил.

Смотря на него, я не верила, что когда-то отец украл маму на вокзале или сражался на войне. О войне папа никогда не рассказывал, словно смог вырезать её из памяти. Только ночь иногда оживляла страшные картины. Да, ефрейтору царской армии снились кошмары. Он кричал или бормотал бессвязные слова: «Стреляй! ... Нет! Его убили!...». Потом вскакивал в поту с постели и уходил курить самокрутку в сени. Мать привыкла к таким кошмарам, поэтому продолжала спать сном младенца. Мы тоже спали. Так что отец оставался со своими кошмарами наедине.

К 1937 году папа дослужился до участкового. Его больше уважали, чем боялись. Без дела Семён Прохорович особо не тряс криминальные элементы. Кого трясти? Алкоголиков и мелких воришек? Крупных бандитов в довоенном Сенно не было. Все друг друга знали. Человек не успеет ещё подумать о противоправном действии, как уже весь город судачит. Сарафанное радио. Но, несмотря на относительно спокойную жизнь в Сенно, папа домой не спешил. Наверное, не хотел встречаться лишний раз глазами с женщиной, чью жизнь он испортил.

Я даже не помню, любила ли я его, но жалела точно.

Анна – моя старшая сестра. В тридцать седьмом году ей было девятнадцать лет. Мамина гордость и радость. Отличница в школе. Комсомолка. Все обожали умницу Аню. Ухажёров

у Анечки было много. Все парни мечтали проводить гордую красавицу до дома из клуба. На танцах даже бились за право потанцевать с дочерью участкового. Она и вправду, была красавица для белорусов. Смуглая кожа. Высокая и худощавая. Густые чёрные волосы с синим отливом вороного крыла. Брови полумесяцем. Карие бархатистые глаза подчёркивали чёрные длинные ресницы. Ярко-красные губы всегда улыбались. У моей сестры был задорный смех. Если она только засмеётся, то никто не мог удержаться. К ней обязательно присоединялись все, и уже неважно в чём была причина этого веселья. Смеялась Аня – это достаточно.

Вот такая была красавица, моя сестрица. Среди светло-русого голубоглазого населения Беларуси такие смуглянки почти не встречаются. Поэтому ничего удивительного что Аня была редкая красавица. Вот за ней и бегали добры молодцы. Только среди этой отавы она выделяла одного. Фёдор Тихицкий – одноклассник сестры. Каждый день Федя встречал и провожал Аню с работы. Она работала секретарём в райисполкоме. Можно сказать, первая её любовь, которой не суждено было сбыться.

Коленька – обычный советский мальчишка. Воспитанный на большевистских лозунгах в школе, он верил в светлое будущее коммунизма. Его веру в Ленина и Сталина ничто не пошатнуло, даже репрессии. Дети, как легко их умами управлять. В этом нежном возрасте все идеалисты и максималисты.

В тридцать седьмом году мне было шестнадцать лет. Я даже не знаю, как себя описать. Красивая? Да. Я могу это сказать с уверенностью. Мужчины всегда смотрели на меня. Только не так, как на мою сестру. В их взгляде не было того восхищения. Они мной не восхищались. Они меня хотели. Я, словно магнит притягивала к себе противоположный пол. Однажды Есфирь Исааковна сказала мне: «У тебя другая красота. Роковая. Такие женщины рождаются покорять, а не покоряться».

Мои волосы были словно снег, и также искрились на солнце. Густыми локонами они ниспадали с плеч до самой поясницы. Я не любила их заплетать. В школу не пускали неприбранной. Мне приходилось связывать их на затылке голубой лентой. Губы пухлые и розовые. Когда я злюсь или нервничаю, то кусаю их. Вредная привычка. От этого мои губы наливались кровью и становились ярко-красным пятном на бледно-мраморном лице. Главным моим достоинством были необычные глаза, доставшиеся по наследству. Серо-зелёные глаза. Глаза, меняющие цвет под настроение или от освещения. Когда я злилась, они становились ярко-зелёные. В сумерках тёмно-зелёные. Равнодушие или спокойствие окрашивало их в серый цвет. Сам узор радужки странный. Узор напоминал чешую змеи. Глаза ведьмы, как говорила баба Тая.

Слишком другой я была для них.

В школе моей страстью стал немецкий язык. Наша учительница Эльза Францевна была немкой. Она заметила мою тягу к иностранным языкам и стала заниматься со мной внеурочно. Для других детей такие занятия равносильны каторги, но не для меня. Я жила этими часами.

Как-то Эльза Францевна сказала мне на немецком языке:

– Мне нечего тебе больше дать. Ты говоришь, как настоящая немка.

Это была лучшая похвала в моей жизни, а хвалили меня нечасто. В этот день я подумала, почему я не её дочь. Лучшей матери я бы не желала.

Сколько бы лет ни прошло я всегда буду помнить её добрые глаза. Глаза моей учительницы светились изнутри. Как много любви было в этом хрупком человечке.

Странно, некоторые желания сбываются. Мои сбывались всегда. Поняв это, я стала с опаской желать. Наверно, баба Тая опять оказалась права. Может быть, я ведьма?

Через пять дней после этого урока, мою любимую учительницу увёз чёрный ворон. Для всех Эльза Францевна стала шпионкой, но не для меня.

Началась охота на врагов народа.

ГЛАВА 2. Жених

Репрессии начались в Беларуси задолго до тридцать седьмого года. После Польско – Советской войны по Рижскому договору нашу страну разделили. Западная часть отошла Польше, а восточная часть РСФСР. Поляки могли потребовать и восточную. Им бы и отдали. Слишком выгодные условия мирного соглашения были для Польши. Только почему-то мечтатели о возрождении Речи Посполитой не захотели забрать бывшие земли. Даже не знаю, кому больше повезло. Жителям западной Беларуси или нам.

Репрессии и коллективизация вплотную коснулась западных соотечественников только после войны. Мы ощутили ежовую рукавицу военного коммунизма сполна. Сначала ОГПУ и НКВД гонялось за поляками, оставшимися в своих усадьбах. Когда шляхтичей поубавилось, принялись за зажиточных крестьян, дав им обидное прозвище – кулаки. Будто они в своих руках держат весь хлеб и не хотят делиться.

В двадцать восьмом году начался «хлебный кризис». Закупочные цены на зерно искусственно занизили. Выращивая с таким трудом стратегически важный продукт, крестьяне не хотели дёшево его отдавать. Правительство не придумало ничего умного, как забирать силой зерно. Комиссары вычищали амбары и погреба так, что и мышам не оставалось. Такая политика спровоцировала более пятисот выступлений и это только в моей стране. Несогласных с изъятием хлеба жестоко уничтожали.

Раскулачивание внесло непоправимый урон независимому жителю деревни. Коллективизация добила крестьянство окончательно. Жестокие меры дали городам долгожданный хлеб, уничтожив действительно работающее население бывшей Российской Империи. Итог: тысячи сосланных и расстрелянных. Отнимая последний хлеб у селянина, коммунистическая система обрекла его на голодную смерть. Пять миллионов граждан СССР заплатили жизнью за ударные темпы индустриализации. Голод 1932—1933 годов коснулся и Беларуси. Машина репрессий набирала обороты, кромсая больше и больше человеческих судеб.

Белорусская интеллигенция ощутила на себе настоящий геноцид. Представители всех здравомыслящих профессий подлежали очистке. Учителя, врачи, учёные, литераторы – арестовывались сотнями. Их ссылали. Расстреливали. Высосанные с пальца обвинения сыпались на их головы, как из рога изобилия. В начале тридцатых годов процессы были показательными. Якобы раскрывались целые шпионские сети: «Союз освобождения Беларуси», кулацкая организация «Пуховичского района» и это не все громкие разоблачения врагов народа.

Чтобы улучшить процесс работы ОГПУ, решения о мере наказания «врагов народа» принимали три человека. «Тройки» – как их называли в народе. В тридцать седьмом году репрессии достигли своего максимума. Коммунисты всегда стремились к ударным темпам во всём. В те страшные годы, казалось, что весь народ разделился на «врагов народа» и тех, «кто сдаёт врагов народа». Арестовать могли за самый невинный проступок. Например, опоздание на работу или анекдот. Сталинские репрессии походили на средневековую инквизицию. Религиозным фанатикам везде мерещились ведьмы, а коммунистам «враги народа». Дошло до того, что и палачи сталинского режима стали опасаться друг друга. Наряды на «врагов» росли в арифметической прогрессии. Может статья, что и твоё имя внесут в список, чтобы закрыть отчётность за квартал. Заслуги перед отечеством не вспомнят. Сегодня ты комиссар НКВД, а завтра за излишнюю или не очень хорошую расторопность «враг народа». Так произошло и в Сенно. Одного комиссара сменил другой. Если тот был относительно мягким, то у нового комиссара сплошные амбиции. Не лучшее качество для человека его профессии в тридцать седьмом году.

Пусть мы были не очень дружной семьёй, но по-своему счастливой. Наше счастье было в однообразии. Для большинства людей однообразие – это и есть сама жизнь. Всем хочется

просто жить. Просыпаться по утрам, пить горячий чай с блинами и вареньем. Обнимать любимых, провожая их на работу и встречая после. Радоваться каждому шагу своего ребёнка. Его успехам в школе. Переживать за неудачи и подбадривать, что в следующий раз обязательно получится. Засыпать под сопение домочадцев или даже храп. Счастье – это уверенность в завтрашнем дне. Новый день не принесёт ничего нового. Новый день не станет отправной точкой для несчастий. Он будет таким же, как и предыдущий.

Так думали и мы в одно пасмурное утро апреля.

Отец ушёл на службу раньше обычного. Ещё засветло к нам прибежал посланный дежурным паренёк. В зоотехникуме вскрыли замок и сильно покалечили сторожа. Старик чудом остался жив, но в себя пока не пришёл. Такое преступление было настоящим событием, после восстания эсеров в Сенно. Их сопротивление советской власти в 1918 году было не просто мелкое волнение. В бывшей Земской управе левые эсеры даже организовали свой штаб. Но набирающей обороты власти большевиков уже никто не мог противостоять.

Мама накрывала на стол и всех торопила. На часах стрелка показывала половину седьмого. Ещё целых полтора часа до школы. Так хотелось спать.

Я неторопливо ела кашу, делая вид, что слушаю Анины бредни о собрании комсомольцев вчера. Планы пятiletок и субботники во славу дня трудящихся меня уже тогда не интересовали. Я переживала за Эльзу Францевну. Уроки немецкого языка отменили. Не было учителя. Нехорошие слухи расползались по городу. Будто учительница – шпионка и у неё целая подпольная сеть в Сенно. Эти враги народа хотят разрушить нашу счастливую советскую жизнь. В это я не верила, как и во многое другое.

Коля быстренько проглотил завтрак, как утка, и приставал к матери. Та недовольно бубнила ему в ответ:

– Ты денег не получишь. Спроси у отца. Сколько можно смотреть одно и то же?

Поняв, что у матери он денег не выклянчит, брат ушёл собирать портфель. В качестве протеста Коля начал громко распевать песню из кинофильма про Чапаева. Этот «Чёрный ворон» в писклявом исполнении брата заставил всех в один голос крикнуть:

– Заткнись!

– Пока денег на кинотеатр не дадите, не замолчу!

Первой не выдержала Аня. Сестра вытащила из сумки пару копеек и кинула на стол.

– Иди возьми деньги, только не пой больше!

Из-за занавески выглянула довольная рожица младшего брата.

– Ань, а ещё дашь? – и тут же добавил, – Ну, что бы я завтра ни пел?

Сестра брызнула смехом, а за нею и мы.

– Вот нахал! – пожурила его мама. – Ему мало! Иди уже в школу.

Брат вихрем промчался меж столом и дверью. Помахав в дверях, Коля побежал в школу.

– Когда фильм, то показывают? – спросила мама.

– Вроде сегодня в десять будут, – уже одеваясь, ответила сестра.

Заподозрив, что сын прогуляет школу, мама посмотрела на меня и приказала:

– Проверишь брата, Лизка.

Возразить матери мне не дал Дружок. Пёс залаял, потом радостно заскулил. Отец. Только его так встречает наш Дружочек. Потом снова зашёл лаем. Это чужой зашёл во двор. Голос отца заставил собаку замолчать. Хвостатый сторож уже не лаял, только злобно рычал на непрошеного гостя.

Отец вошёл в дом и, не снимая фуражку, сказал матери:

– Собери мне поесть.

– Что? Почему? Ты куда? – поток вопросов посыпался на отца.

– Собери, – спокойно повторил муж.

Мать засовывала в мешок обычный походный обед: хлеб, сало, домашний сыр. Недовольно посматривая на немногословного супруга, впервые в жизни молчала.

Надо было, на свою беду, Ане пораньше встать из-за стола. Знала бы она, что дождавшись меня, её жизнь сложилась бы иначе. Но тогда сестрица спешила. Её ждал Фёдор.

– Я пошла! – бросила мне сестра.

– Ну, подожди минутку, – попросила я.

– Нет, капуша! Ты и портфеля ещё не собрала, – сказала Аня, срываясь за дверями.

Так Аня встретилась с Гришкой.

Его чёрные острые как нож, глаза вонзились в дочку местного участкового. Могу себе представить, с какой жадностью во взгляде он провожал Аню. Её смущение от этой роковой встречи. Моя сестра хоть и была бойкая. За словом в карман не лезла, но Гришка заставлял одним только взглядом замолчать. В его глазах было что-то такое, отчего страх начинал разъедать тебя изнутри. Тонкие губы кривились не то в усмешке, не то в оскале. По этой улыбке я никогда не могла угадать: доволен ли он. Григорий Коршунов был человеком размытых граней. В нём было столько же доброты, сколько и жестокости. Сильный, смелый, честный, рвущийся всегда вперёд Гришка с одной стороны. Хитрый, двуличный, злопамятный с другой. Ни в одном человеке вы не найдёте так много противоречий, как в Коршунове. Он стал и спасением и проклятием для нас.

Новый ухажёр Аня всегда добивался своих целей. В то утро он захотел мою сестру. Захотел её так сильно, что перешёл к решительным действиям вечером того же дня. Капитан НКВД не встретил Аню с работы, как скромный Федька. Григорий пришёл на работу к моей сестре. Развалившись на стуле, сказал:

– Собирайся, мы идём в кино. Не знаю, что показывают в вашем кинотеатре, но это не имеет значения, – так он дал понять всем, теперь эта красавица его.

Сестра возмутилась. Идти с синей фуражкой ей не хотелось. Что скажут люди? И Федя. Только Гришку мнение окружающих не волновало. Идя рядом с ним, сестра не поднимала глаз с земли. Такие вольности её любимый и наедине не позволял. Наглый ухажёр взял под руку Аню, вышагивая походкой победителя. Возле калитки провожатый полез целоваться, на что моя сестра отвесила ему звонкую пощёчину.

Он тёр горящую щёку и глазами провожал убегающую дочь участкового. Наверно, именно в тот вечер Коршунов решил, что такая гордочка достойна стать его женой.

День, когда Григорий Коршунов пришёл свататься настал после майских праздников. Сватов с ним не было. Он всегда плевал на традиции, считая их пережитками прошлого.

Мы ужинали, когда собака залаяла. Уже тогда я заметила, как сестра сильно сжала ложку в руке. Её пальцы побелели. Когда раздался стук в дверь, сестра и вовсе дёрнулась.

– Эй, хозяин! Открывай! – больше приказ, чем просьба.

Анька побледнела. Домогательства НКВДшника разругали её с Федькой. По городу гуляли слухи, что она запудрила голову одному, а теперь и за другого принялась. Многие отворачивались от Ани. Мол, если бы хвост сама не распустила, то и ничего бы не было. Зависть. Их всех душила обычная зависть. Гришка красавиц и завидный жених. Вот народ и обозлился на Аню. Всё лучшее ей. Как всегда! Так считала одна половина города. Другая половина презирала мою сестру. Репрессии коснулись уже многих в Сенно. Только пока наш двор обходила эта беда. А тут ещё и синяя фуражка за Анькой бегаёт, как не возненавидишь. Большое спасибо, можно сказать, и тётке Зине Ермашкевич. Эта скандальная сплетница на славу постаралась, разнося по городу, что Аня недолго выбирала между Федькой и Коршуновым. Её-то можно понять. Фёдор у тётки Зины один-единственный остался. Когда брата на войне с поляками убили, а его жена через год от простуды умерла, Федю она забрала к себе. Жалко тётке было племянника. Очень мучился Фёдор от любви к дочке участкового. Вот и бегала по городу, ругая мою сестру последними словами.

Отец открыл дверь гостью. Гришка вошёл и тут же без приглашения уселся за стол. Он уже чувствовал себя членом семьи.

– Семён Прохорович, Анастасия Николаевна, – пытался быть вежливым, – я люблю вашу дочь Аню и хочу на ней жениться.

Мать прижала ладони ко рту. Сестра сидела, как в воду опущенная. Она даже дышала через раз. Я и Коля потупили глаза, боясь посмотреть на Гришку. Не растерялся только отец.

– А она? Она любит тебя? – спросил он.

– Полюбит, – жёстко ответил жених.

– Аня, ты пойдёшь за него? – как-то не решительно задал этот вопрос отец.

Сестра вскочила и убежала в другую комнату. Оттуда послышались сдавленные рыдания. Я побежала к ней.

Гришке не отказали. Отец сказал, что только Аня вправе решать. Жених пообещал зайти завтра за положительным ответом. Других ответов такие люди не признают.

Сестру успокаивали долго.

– Не пойду! Не люблю я его! – она повторяла, словно заведённая.

Мать стала кричать на непослушную дочь.

– Пойдёшь! О себе не думаешь, так о брате с сестрой подумай! Что с ними станет, когда нас заберут!

Тут уже вмешался отец. Всё это время тихо стоявший в стороне.

– Хватит! Ей решать, Настя!

– Ей решать?! – взорвалась мать. – Ей? Она-то, решит! За Федьку выскочит. А потом что? Ты глаза-то разуй! Сколько соседей уже ночью увезли! И за нами приедут!

– Не говори глупости. Они враги, – начал было оправдываться отец.

– Враги? Ой, Семён! И старый профессор тоже враг? Врач он был хороший, но не враг.

А ты, – грозно посмотрела она на старшую дочь, – думай, прежде чем отвечать.

– Я не люблю его, мама, – вытирая опухшие глаза, прошептала Аня.

– Любовь вообще глупости.

Закинув кухонное полотенце на плечо, мать ушла. Май, а в огороде не посажено ещё.

На следующее утро Аня дала ответ Гришке. Она станет его женой.

ГЛАВА 3. Свадьба

Свадьба выдалась невесёлой. По крайней мере, для нас. С нашей стороны пришло всего несколько человек. И очень близких. Они хмуро сидели и почти ничего не пили. Для радости поводов мало. Всё проходило, как-то не по-людски. Так шепталось старшее поколение.

Не было выкупа невесты. Подружки не загадывали жениху замысловатых загадок на пороге дома. Мы не ехали на бричках к ЗАГСУ, громко распевая песни под гармонь. Никто не перекрывал дорогу молодым, требуя в шутку отступных.

Да и предсвадебной суеты тоже не было. Мать быстро собрала приданое. Скучное. А что соберёшь за две недели? Подушки, одеяла, кухонную утварь. Самый дорогой атрибут приданого в бедненькой кучке стал мамин английский сервиз. Она его очень берегла. Всё-таки память о былых временах. Ну, и машинка Зингер, купленная бабой Таей ещё до революции. Аня шить не любила, но мама решила дети пойдут, придётся и пошить.

Сестра выходила замуж, как положено невесте, в белом платье, но без фаты. Как же нам далось это злополучное платье. Аня заливалась слезами, как только его надевала на примерках. Наверное, поэтому у соседки получилось простенькое платьице. Длиною в пол, без оборок и бантов – скучное. Милица Кривиличка пыталась разбавить скуку хотя бы красивой фатой. Но, когда сестра посмотрела в зеркало, то сорвала фату.

– Ты, что, Аня? Так красивее, – ахнула подружка.

Аня сжала в кулаке белый прозрачный символ невесты и сказала:

– Без фаты.

Разжала ладонь и белоснежная фата упала на грязный пол Кривилички. Соседка хоть и была портниха от бога, но чистоплотностью хозяйки похвастаться не могла.

– Чай не в гроб ложишься, а замуж идёшь, – уже со злобой в голосе сказала Милица.

Смотреть на свои труды, валяющиеся под ногами Ани, она не могла. Две ночи Кривиличка создавала такую красоту, а тут её под ноги бросают.

– А тебе ли не знать?! – огрызнулась Аня, стаскивая с себя ненавистное белое платье.

– Ну, не урод же он, Аня, – помогая подруги снимать платье, сказала Милица.

– Раз он тебе так нравится сама за него и иди! – не унималась сестра.

– Пошла бы, так тебя же позвал, – расправляя уже снятое платье, недовольно сказала портниха.

– Я этого не желала! – опять заплакала сестра, закрыв ладонями лицо.

– Аня, прости меня, дуру! Я не хотела тебя обидеть. Ты же Федьку любишь, – виновато прошептала Милица.

Прижимая снятое свадебное платье к себе, она попыталась обнять подругу. Только моя сестра отступила. Утёрла слёзы. Посмотрев на Милицу исподлобья, прошипела:

– Хотела. Обидеть ты хотела.

– Аня...

Милица снова попыталась обнять подругу, но та оттолкнула её. Набрасывая по дороге халат, сестра выбежала с дома. Милица не побежала вдогонку. Вместо, этого она приложила к себе свадебное платье. Довольно рассматривая отражение в зеркале, Милица спросила меня:

– Как думаешь, мне оно больше идёт?

Платье действительно шло Милице. В отличие от моей сестры, у соседки горели глаза и румянились щёки. А платье только сильнее подчёркивало её здоровую красоту. Наверное, и Ане оно тоже бы пошло. Только моя сестрица уже несколько недель морила себя голодом. Бесконечные потоки слёз смыли румянец, придав лицу некую серость. Мне стало, казаться, что Аня превращается в тень самой себя.

Наверное, от этого я сорвала Милице и чужие свадебные платья примерять нельзя.

- Нет, совсем не идёт.
- Да, врѣшь ты всё. У меня глаза есть, – вертись у зеркала, проворковала Кривиличка.
- Так, что же спрашиваешь? – съехидничала я.
- По привычке. Аньке тоже бы пошло, если бы не убивалась попусту.

В этот день я сделала для себя важное открытие. Дружбы между женщинами как таковой нет. Мы можем часами трепаться о моде, мужьях, детях, еде, свекровях, но дружить мы не умеем. Наши отношения построены на лицемерии и желании посплетничать. Выслушивая проблемы одной подружки, мы искусно сочувствуем ей. Но, как только встречаем другую подружку, мы рассказываем самые сокровенные тайны предыдущей. Заметьте, это всё мы делаем не со зла, а просто из-за желания излить переполняющие нас эмоции. Так мы сами порождаем сплетни. Сплетни губят наших подруг. Губят нашу дружбу. Нередко мы завидуем своим подругам. Завидуем их успеху. Завидуем их мужьям. Завидуем их семье. Завидуем всему, чего нет у нас. Мы даже примеряем их жизнь на себя. Милица завидовала Ане. Такой жених и выбрал упрямую дочку участкового.

Так невеста и сидела за столом без фаты. Простоволосая.

Гостей со стороны жениха тоже не было много. Всего пять человек. Все по службе в НКВД из Витебска. Под их крики: «Горько!», Коршунов рывком тянул к себе Аню и целовал. Она не сопротивлялась, но и не отвечала на жадные поцелуи жениха. Похоже, только им нравилось на свадьбе. Чему же не понравится, когда реки самогона льются.

Больше всего выделялся подполковник Пичугин, как его представил Гришка. Высокий статный брюнет с лёгкой сединой у висков. Он громко смеялся, обнимая рядом сидящую Милицу. Наша соседка подливала новому знакомому в стакан водку и тут же пихала в рот закусить. Подполковник залпом выпивал горькую, даже не сморщившись. Его вроде всё устраивало и невеста и свадьба и легкомысленная красавица рядом, пока не входила я. Ставя на стол новые блюда, я ловила пристальный взгляд офицера. Когда наши глаза встречались, он-то подмигивал мне, то прищурился, закидывая набок голову. Кривиличка сразу заметила флирт своего поклонника на два фронта. Надувая губки, отворачивалась от Пичугина. Милица ревностно тарасилась на меня. Мол, что тебе надо в моём огороде. Ставь свои тарелки подальше. А когда «синяя фуражка» попросил поставить поближе блинчики с фасолью, Анькина подружка и вовсе фыркнула.

– А у меня лучшее в Сенно получают. Даже сам председатель райисполкома хвалил.

Подполковник ничего не ответил, только улыбнулся мне. От этой улыбки мне стало не по себе. Я – совсем ещё девчонка, смутилась. Знаки внимания мне никогда не оказывали мужчины. Мальчишки из класса не в счёт. Я подала ему тарелку с блинами. Он протянул руки, и наши кончики пальцев соприкоснулись. Это длилось всего мгновение. Только от этого по телу пробежали мурашки. Отдёрнув руку, я убежала к матери.

На кухне мама достала чугуны и раскладывала по тарелкам куски кур. Из-за шума в доме она не услышала, как подошла я.

– Ой! – испуганно воскликнула она и уронила кусок куриной ножки на пол. – Ну вот! Что ты подкрадываешься, словно кошка?

– Я не хотела.

– Ладно, уже.

У матери было приподнятое настроение. В отличие от всех членов семьи, она искренне верила, что этот брак только к лучшему. В её глазах Коршунов будет хорошим зятем. Тем более что Гришечка, как она его стала называть, искусно льстил будущей теще. Дарил подарочки. Мама падкая на лесть, уже любила зятя. Считала, что именно такой муж нужен Анюте. С ним его любимая дочка будет, как за каменной стеной. Гришка нечета её Семёну. Не тюфяк, а настоящий защитник.

– Лизка, брось Дружку, – поднимая с пола кусок курятины, сказала мать. – Пусть и у него будет праздник.

Выйдя во двор, я глубоко вдохнула. Свежо. Хоть все окна в доме раскрыты настежь, но дышать нечем. Слишком душно. А ещё запах еды попеременно с самогонным перегаром делал воздух тяжёлым.

Дружок радостно вилял хвостом. Он сразу учуял запах вкусенького. Прыгая и скуля, пёс выпрашивал лакомство у меня.

– Ну, послужи, мой мальчик! – я высоко подняла ножку курицы.

Дружок запрыгал на задних лапках. Чёрненькие глаза – бусинки жалобно посматривали то на меня, то на мою руку.

– Держи, пушистик!

Я бросила ему заслуженный кусочек. Пёс поймал налету ножку и улёгся грызть её. Не прошло и минуты, как лакомство исчезло в пасти Дружка. Поднявшись, он продолжал вилять хвостом в надежде на ещё один кусочек вкусенького.

– Обжорка! – потрепала по мохнатой голове Дружка.

Я собиралась уходить, как пёс настороженно поднял уши. Дружок бросился в сторону огорода. Цепь звякнула и натянулась. Всматриваясь вдаль, я увидела Федьку. Он шёл с лесополосы. Шатаясь из стороны в сторону, любимый сестры тащил за собою какую-то палку. И только, когда Федя приблизился к речушке, разделяющей наш огород с полем, я поняла это не палка. В руках его было ружьё.

Моё сердце ёкнуло. Я помню, как в испуге огляделась. Мне стало страшно. Что если сейчас кто-то выйдет покурить или Дружок залает. В доме полно людей с оружием. Никто разбираться не станет. Застрелят Феденьку. Ещё и политическое дело состряпают. Мол, напал на сотрудников НКВД. Я бросилась со всех ног навстречу Федьке.

Я бежала и молилась только бы пёс не залаял. Только бы никто не заметил его в распахнутом окне. Только бы успеть. Новые туфли жали. Я даже не помню, как сняла их в грядках с капустой. В борозде картошки упала пару раз, прежде чем добежала до Федьки. Я с разбегу хватилась за ружьё. Старую охотничью одностволку прошлого века отчаявшийся ухажёр сестры держал крепко. Вырвать оружие сразу у меня не получилось. Федька дёрнул ремень и оттолкнул меня. Не устояв на ногах, я завалилась на картофельную ботву.

– Федька, что ты удумал? – шёпотом кричала я. – Отдай ружьё.

Я снова схватилась за ремень. Пьяным тянуть за собою меня он не смог и упал рядом.

– Пусти! Я убью его! – прокричал он.

Резкий запах перегара заставил меня отвернуться. Сколько Федька выпил в тот день, одному Богу известно. Не одну бутылку это точно.

– Пусти, я сказал! – ещё громче закричал он.

Боясь, что нас услышат, я навалилась на Анькиного кавалера и закрыла ему рот ладонью.

– Тихо! Их там, знаешь, сколько и все с пистолетами? Об Аньке подумай, – просила я со слезами на глазах.

Федька посмотрел на меня. Не знаю, может, мои слёзы так на него подействовали или слова, но вырваться он перестал. Гнев в его глазах сменила полная растерянность. Усевшись в борозде, он обхватил ладонями голову. Глухое гортанное рыдание вырывалось из него. Федя заплакал.

До него я никогда не видела, как плачут мужчины. Хотя, какой он был мужчина. Всего девятнадцать лет. Федя всегда был таким сильным, но справедливым. Большой добрый плюшевый мишка, как называла его сестра. А для меня ухажёр Ани был героем из сказок. Федя часто заступался за слабых в школе. Однажды даже надавал подзатыльников Стёпке Сморгину, задиравшему меня. И вот, мой герой плачет, как мальчишка. И мне его жалко. Вы не можете даже представить, что я чувствовала, смотря на него. Федьку так хотелось утешить. Сказать

ему что-нибудь ободряющее. Но, я ничем не могла ему помочь. Вернуть ему Аньку, я была не в силах. Не выдержав, я обняла его. В ответ он прижал меня сильнее к себе. Мокрым лицом Федя уткнулся мне в шею.

– Я люблю её, а она за него пошла, – прохрипел он.

– Тише, тише, Феденька, – говоря эти слова, я гладила его кудрявые волосы.

Федька был единственным мужчиной в моей жизни, который не воспользовался моментом. Он никогда не лез и не полезет мне под юбку. Самое фривольное, что он мог позволить себе – это обнять меня или поцеловать в щёку. Для Феи я навсегда осталась младшей сестрой Ани. Маленькой девочкой с белыми бантиками и содранными коленками. Он никогда не посмотрел на меня с вожделением. Наверное, он просто не заметил, как я выросла. Я больше не заплетала бантики. Я больше не лазила по деревьям. Я перестала играть в куклы. Но ничего этого Федя не замечал. Поэтому я спокойно обнимала его.

– Она любит тебя. Тебя Феденька. Только тебя, – шептала я.

– Тогда почему? Почему она с ним?

– Её заставили. Мама и он. Только, пожалуйста, не делай ничего. Иди домой, – умоляюще попросила я.

Федька замотал головой и отодвинулся от меня.

– Не пойду.

– Не будь, глупым. Ты навредишь не только себе, но и нам. О сестре моей подумай.

Это был последний мой аргумент. Аня всегда была у него на первом месте. Я не прогадала.

Утирая слёзы, Федька встал.

– Не говори никому, что я...

Он замялся. Слёзы для мужчины это проявление некой женской слабости. Он даже не мог произнести: «Я плакал». Ему было стыдно.

Поняв это, я пообещала:

– Не скажу, – и тут же добавила. – Только ружьё мне отдай.

– Неа... Ружьё дедово.

– Федька, я завтра сама его принесу.

Я потянулась за одностволкой, но его ладонь сжала ремень сильнее.

– Тебя тётка на порог не пустит, – оправдал своё нежелание отдавать семейный раритет.

– Я и спрашивать её не стану, – продолжала настаивать я.

– Ладно, – наконец-то согласился несостоявшийся убийца и отдал мне ружьё.

Посмотрев в сторону нашего дома, Федька тяжело вздохнул и пошёл домой. Кусты и опускающиеся сумерки надёжно скрыли его. До меня ещё две минуты доносился треск сухих веток. Представив Фёдора, идущего сквозь бурелом, я улыбнулась. Точно медведь. Мне было ужасно жаль, что Аня и Федя не поженились.

Я шла по огороду, таща за собою ружьё. Долго размышлять над превратностями судьбы сестры мне не пришлось. Дверь ляпнула. Дружок надрывно залаял. Во двор вышел чужой. Вот теперь, моё сердце бешено заколотилось. Я медленно опустила Федькину одностволку в борозду. Надеюсь, что гость ничего не видел, я быстро направилась к дому.

Коллега Коршунова чиркнул спичку и закурил. Думаю, меня он заметил сразу. Расстояние между нами было небольшое. Да и я особо не таилась, когда избавилась от ружья. Поправляя испачканное платье, я старалась ровно идти по борозде. Ноги, правда, не слушались. Каждый раз, поднимая глаза, меня била дрожь. Пичугин пристально смотрел на меня. Точнее, его глаза следили за каждым моим шагом.

Возле бани я остановилась. Пичугин сам шёл мне навстречу. Идти дальше уже не было смысла. Через него мне не проскользнуть. Калитка, разделявшая огород и двор, была очень

узкая. Двоим не разминуться. По довольной улыбке подполковника я поняла, просто так он меня не пропустит.

– И где же ты измазалась? – выдыхая дым сигарет, спросил он.

– За зайцами бегала, – бросила первое, что пришло в голову.

– Может, за зайцем, а не зайцами? – прищурившись, двусмысленно сказал Пичугин.

– Может, – улыбнулась я.

Этой улыбкой я пыталась скрыть страх. Я боялась, что он всё видел. Не выдержав его пронизывающего взгляда, я быстро отвернулась. Но куда там. Убежать я не могла. Бочка с одной стороны. С другой стена бани. С третьей забор. И он. Сама загнала себя в западню.

Как он подходил, я ощущала спиной. Дыма сигарет с каждым его шагом становился теплее. Сигаретный дым не давал мне дышать. Я повернулась, чтобы запротестовать. Передо мной вздымалась его широкая грудь в тёмно-зелёной гимнастёрке. Я помню, как поблёскивали пуговицы, когда он затягивался сигаретой. От такой близости меня бросило в жар. Щёки запылали ярким румянцем. В его серых глазах моё отражение приобретало другие черты. В них я была взрослой соблазнительной девушкой. Стоило мне всмотреться в эту серость, и моё отражение растворялось в черноте расширяющихся зрачков. На мгновение мне показалось – он читает мои мысли. Я сама не знала, о чём думаю. Возможно ли, думать, когда ты во власти его.

Именно в тот момент во мне проснулась женщина. Этого нового чувства я испугалась сильнее, чем самого подполковника. Упёршись ладонью в его грудь, я прошептала:

– Отойдите.

В ответ я услышала:

– Даже лицо испачкала.

Его голос с хрипотцой был насмешливым. Офицер прикоснулся к щеке и потёр её пальцем. Я попыталась сделать шаг назад, но его руки обняли меня. Я не могла пошевелиться в этих железных объятьях. Единственное, что мне было под силу это прошептать:

– Отпусти.

Только мои мольбы и просьбы были напрасны. Он сильнее прижал моё тело к своему. Медленно убирая с лица выбившуюся прядь волос, смотрел мне в глаза.

– А я не знал, что у Прохоровича такая красивая дочь.

Его голос был спокоен. Вот только в глазах играли искры озорства.

Смутившись, я перевела свой взор с его лица на гимнастёрку. Пуговицы растёгнуты. Глубоко дышит.

Я помню, как он поцеловал меня. Это произошло само собой. Стыдно признать. Я не сопротивлялась. Он не был груб. Не был настойчив. Он был нежен. Ласков. Вкус терпких сигарет несколько не испортил первого впечатления от поцелуя. Иногда вспоминая тот уже далёкий поцелуй, я раз за разом прихожу к выводу, что сама хотела этого. В моём городе было много красивых парней. Мальчишек моего возраста. Только почему-то меня к ним не тянуло. Их смазливые личики, по-детски ещё наивные глазки и пошлые глупые шутки бесили меня. Ну не тянуло меня к ним. Они были скучны, неинтересны. Мне всегда хотелось чего-то особенного. Чего-то запретного. Наверно, правдива поговорка: «Кто ищет, тот найдёт». Я всегда находила приключения на свою голову. А если точнее, то я первая делала шаг в пропасть. Я окуналась в омут с головой. Товарищи – господа даже через десятки лет я не жалею ни о чём. Это моя жизнь и на другую я её не променяю.

В Пичугина я не влюбилась. Он был мне просто интересен, как взрослый опытный мужчина. Дальше поцелуя тогда не дошло. Младший брат, выскочив из дома, позвал меня:

– Лизка, мать ждёт!

Мы резко отстранились друг от друга, словно нас ударило током. Шумно дыша, почти задыхаясь, мы посмотрели на Кольку. Наверное, его голову посетила та же мысль, что и мою: «Вот засранец!». Как сильно я разозлилась. Даже не знаю, за что больше я разозлилась на брата.

За то, что увидел моё падение, или прервал его. А падать в пропасть порока было так приятно. Я поправила платье и волосы. Ещё раз посмотрела на него и пошла в дом. Он остался на улице, чиркнув спичкой, закурил снова.

Свадьба закончилась за полночь. Жениха с невестой в их дом отвёз дядя Фрол. Единственный трезвый человек. Сосед страдал язвой желудка и не пил. Милица утатила молоденького шофёра Пичугина к себе. Подполковник хоть и был выпивший, но твёрдой походкой побрёл к сенненской гостинице. Уходя, он мне улыбнулся, а я отвернулась. Повторюсь, мне не было стыдно. Я не хотела, чтобы кто-нибудь заметил, как румянец покрывает мои щёки. Остальные гости разбрелись, кто был в состоянии, по домам. Ну а кто нет, завалились спать прямо у нас.

Вот так и закончилась свадьба моей сестры. Этот день изменил не только жизнь Ани, но и мою. Пичугина я встречу за год до войны. И эти три с половиной года изменят меня до неузнаваемости. Нет, я останусь красавицей. Перемены произойдут в моей душе. В моём отношении к мужчинам. Я больше не буду испытывать того трепета от близости с ним, как в тот вечер. Когда мы встретимся, я буду его целовать. Скромности, смущения, детской наивности во мне больше не будет. Я закую своё сердце в надёжную броню. Не сделав это, я разочаровалась бы и в Пичугине намного больше. Я не смогла бы простить ему того поступка. Но, об этом вы узнаете позже.

ГЛАВА 4. Красный платок

Лето пролетело, как всегда, незаметно. Меня взяли на место Ани в райисполком. Сестру заставил Гришка уйти с работы. Хотел, чтобы жена всегда была дома и встречала горячим ужином любимого мужа. Только вот любимым его не назовёшь.

Аня ревела в три ручья и жаловалась матери после свадьбы:

– Не могу. Мне противно!

– Терпи! Стерпится – слюбиться, – вот что посоветовала ей мама.

Гришка хороший зять. Всегда поможет тёще, что она не попросит. Мама и слышать не хотела, что Гришка поколачивает дочь.

– Сама виновата! Поуступчивее надо быть, – говорила ни разу небитая мамочка.

Синяков на лице у сестры не было. Только отметины на теле от пальцев страстного мужа. Для Гришки жена была собственностью. Он одаривал Аню дорогими подарками, требуя, чтобы она не примерно их носила. Жена – это ещё и витрина любящего мужа. Пусть все видят, какой он хороший заботливый муж. Как сильно он ценит свою Анечку. Только Анечке все подарки хотелось сжечь в печке. Сжечь так, чтобы и пепла от них не осталось. Вот как сильно она его ненавидела, что готова была отыграться на бездушных вещах.

Поняв, что мать не на её стороне, она и вовсе перестала к нам заходить. Если приходила, то крайне редко и только по делу. А я, напротив, бегала к сестре каждый день. В будни после работы. В выходные с утра и до самого вечера сидела у неё. Я наивно полагала, что при мне Гришка не посмеет поднять руку на сестру. Он и не бил её. Пока я была с ними он не бил Аню. Что было, когда я уходила? Ну, не могла же я ночевать у них. Крепкие бревенчатые стены, высокий забор хорошо скрывали трагедию молодой семьи от вездесущего взора общественности. И только я знала, что скрывает Гришкина любовь напоказ. Анне завидовали, считая её самой счастливой. Такой заботливый и щедрый муж. И никто даже не догадывался, в какой золотой клетке живёт молодая жена Коршунова. Аня перестала смеяться. Улыбка тоже не трогала её постоянно сжатых губ. По крайней мере, до одного случая.

В конце сентября стояла тёплая осенняя погода. Бабье лето. Последние солнечные денёчки. Повсюду летали паутинки. На полях уже несколько недель шла уборочная. Работы у меня прибавилось, но я не жаловалась. Ещё в школе я научилась сносно печатать на машинке. Поэтому справлялась с работой быстро. Надо было несколько раз перепечатывать одни и те же указы и постановления. Эти бумажки потом развозили по районным колхозам.

И вот сидя за столом я строчила очередной приказ, как вдруг дверь отворилась. В кабинет председателя вошёл Федька. Он работал шофёром у председателя Туровского колхоза. Сегодня совещание председателей и Федька привёз своего начальника в райисполком. Пока руководители колхозов заседали в главном зале, поклонник Ани решил забежать ко мне.

– Привет, Лизок! – с ходу поздоровался он.

– Привет! – немного удивилась я его хорошему настроению.

– Аньке передашь от меня пару словечек? – хитро улыбнувшись, спросил он.

– Смотря что?

– Скажи ей, что я буду ждать её до самого утра на нашем месте, – переминаясь с ноги на ногу, сказал Федька.

– Ты, что сума сошёл? – возмутилась я. – Гришка узнает, тебе голову оторвёт, а про сестру я вовсе молчу!

Картинка избиения сестры заставила меня передёрнуться. Чем только он думал. Хотя, понятно чем.

– Лиз, ну, помоги. А? – не унимался он.

Подойдя к столу, Федька взял мою ладонь.

– Лиз, помоги. Пожалуйста.

– Нет. Своей сестре я не враг.

– Лиза, я на колени перед тобой встану. Помоги, – уже опускаясь на колени, просил Федька.

– Нет! – стояла на своём я. – Гришка прийдёт её, если узнает. А про сплетни я, вообще, молчу. Твоя же тётка понесёт по городу первая.

– Лиз, Гришки не будет сегодня. Я слышал, как Антоныч говорил, что сегодня с ним придётся делить машину. Председателя в Витебск вызывают, а Коршунова в управление. Наша машина не доедет, поэтому на милицейском газике поедут. Гришка за рулём будет. Вернутся за полночь.

– И? – я никак не понимала, что он этим хотел сказать.

– Ну, что? Что? У нас с Анькой целый вечер. Мне поговорить с ней надо. Когда такая возможность будет? Лиз, пожалуйста, – просил он.

Ну как откажешь, когда так просят?

– Хорошо.

Федька подскочил ко мне и подхватил на руки.

– Спасибо! Спасибо! – довольно твердя, он кружился со мной на руках.

Вечером после работы я сразу пошла к сестре.

Аня крошила капусту. Гришки не было дома и, похоже, с самого утра.

– Привет, сестрица! – обняла я её.

– Привет. Что такая довольная? – спросила Аня, виртуозно шинкуя ножом.

– И ты сейчас будешь довольна, – сказал я, отправляя в рот сочную полоску капусты.

– Гришку, что ли, застрелили? – неожиданно без единой эмоции на лице спросила сестра.

– Нет. Жив Коршунов. В Витебске до поздней ночи будет.

– Так радоваться чему? – вздохнула Аня.

– Есть чему. Федька ко мне заходил. Тебя как стемнеет, ждатель будет на вашем тайном месте.

Нож выпал с руки сестры. Она быстро обернулась и впервые за несколько месяцев на её лице была улыбка. Не натянутая, а настоящая улыбка, когда и глаза светятся и румянец горит на щеках. Даже серость слетела с лица, стоило только ей улыбнуться. Она, словно, засветилась изнутри счастьем. Вот так одна лишь надежда на скорую встречу с любимым изменили сестру за мгновение.

– Надеть нечего! – спохватилась Аня и бросилась к шкафу.

– Ничего себе нечего! – подтрунивала я. – Сколько платьев!

– Они же все пёстрые! Их за версту увидишь.

– Надень старое, – предложила, жуя капусту.

Есть очень хотелось. С самого утра ничего не успела перекусить. Работы много было.

– Гришка всё выбросил, – разочарованно сказала Аня, смотря вглубь шкафа, – и вот даже платок в цвет нашего флага.

В руках сестра держала ярко-красный платок. Такой уж точно заметишь даже в безлунную ночь. Он, как огонь маяка, привлечёт к себе сотни любопытствующих глаз.

– Платок красивый. Как наш советский флаг, – полюбовалась вслух я красивой вещью.

– А мне то, что? Красивый и красивый! Лучше бы чёрный, – и раздражённо бросила его в шкаф.

Именно в это мгновение мне пришла коварная мысль. Что если Анькины яркие тряпки сыграют на нашей стороне. Этот недостаток, мы используем во благо нам.

– Аня, я надену твой платок, а ты мой. В темноте нас никто не различит. Мы дойдём до нашего дома. Я в твоём платке пойду домой, а ты в моём огородами к Федьке. Если нас кто

и увидит, то подумает, что ты к родителям пришла. А я – это я. Я не замужем. Мало с кем люблюсь, да на свидания бегаю.

Я думала, что сестра меня задушит обнимая. Настолько сильно она обрадовалась. Мы дождались, когда стемнело и вышли переодетые из дома. Нас забавляла игра в шпионов. В Сенно есть одна особенность. В вечерние будни улицы города пустеют. Большая редкость, если хоть кто-нибудь встретится вам на пути. Оживлённо в базарные дни и то только до девяти вечера максимум. В это время чуть протрезвевшие горожане плетутся домой с гостей. Нам повезло вдвойне. В городе даже собака не пробежала. Мы быстро прошмыгнули по площади. Потом пробежали по Советской улице, и вышли на Красную Слободу.

Зайдя во двор, Аня сказала:

– Если что, я на сеновале бабы Клавы.

Я даже не успела подшутить над их тайным местом встречи, как Аня уже бежала по огороду в сторону дома глухой старушки. У Клавдии Никифоровны был большой сеновал. Ещё до революции её муж торговал сеном. В тридцатых муж умер. Вдова отдала постройку в общее пользование. Находясь на самом краю города, этот сеновал идеальное место для встреч. Была, правда, одна помеха – собаки. Старушка глухая, а пёсики нет. Но сестра с Федькой подкармливали их. Поэтому два больших кобеля виляли хвостиком, а не лаяли, на непрошенных гостей.

Походы Ани на ночёвки к семье никого не настораживали. Подумаешь, молодая жена бегают в отчий дом во время отлучек мужа. Страшно одной в пустом доме. Бывало, Аня приходила к нам на часок-другой. Потом брала незаметно мой серый платок и бежала к Федьке. А я в это время прятала Анькин красный. Сестра пропадала на сеновале несколько часов, заранее договариваясь со мной, когда мне ждать её возвращения. Я выходила с её платком, встречала сестру в огороде. Она накидывала атрибут нашего обмана на свою голову и довольная со спокойной душой возвращалась к мужу. Для Коршунова она была у родителей. Спроси он у матери и отца: «А была ли Аня у вас вчера?» и что бы они ответили? Правильно! «Была Анечка. Конечно!» – в один голос уверенно заявили бы они. И эта была бы правда. Та, правда, которую мы им показывали. И соседи видели нашу «Красную Шапочку», идущую по Красной Слободе.

Вот так легко мы обманывали сотрудника НКВД.

– С нас вышли бы отличные шпионки. – Шутила Аня, меняясь в очередной раз платками.

За месяцы тайных встреч с Федькой моя сестра, снова стала смеяться. Её шутки грели мне душу. Ради одной её счастливой улыбки, я готова была покрывать обман вечно. Гришке было невдомёк, что это не от чувств к нему она так повеселела. Не от подарочков, Анюта улыбается. Молодая жена бегала на сторону. С любимым на залежалом сене, Аня забывала о проклятом муже. Моя сестра черпала удовлетворение ещё и оттого, что вот так просто обманывает Гришку. Он из кожи вон лезет ради неё, а она любит с другим.

Как-то сестра сказала, вернувшись со свидания:

– Это он украл у меня счастье, а я всего лишь беру своё. И мне не стыдно!

И ей действительно было не стыдно. Мы забываем о чести, долге, близких людях! Да обо всём мы забываем, когда в нашу жизнь врывается любовь. Наверно, это единственное оправдание нашим необдуманном поступкам. И мы не вправе судить тех, кто любит. Мы не вправе стоять у них на пути. Насильно мил не будешь. Моя сестра в полной мере доказала эту истину. Как бы ни пытался Гришка добиться её любви, все напрасно. Ни уговоры, ни ласка, ни подарки не смогли заставить сердце Ани полюбить его. Каждый подарок и каждый поступок только отвращал жену от него. А Федьке ничего не надо было делать. Аня любила его. Любила за нерешительность. Любила за простоту. Любила за искренность. Он даже не подарил ей и паршивого цветка с клумбы своей тётки! Анька всё равно его любила.

Думаю, вы отчётливо понимаете, что всё тайное всегда становится явным. В моём случае, тайна Ани сыграла со мной злую шутку. Нет, Коршунов не узнал об измене жены так скоро. Узнает, но чуть позже. Чтобы продлить счастье сестры на несколько месяцев, мне пришлось

дорого заплатить. Дорого? Это с какой стороны посмотреть. Если бы у меня спросили, заплатила ли я ещё такую цену, что бы оттянуть разоблачение сестры? Я решительно ответила бы: «Да, хоть тысячу раз!». Не поймите меня неправильно. Моя жизнь не кончилась на этом. А вот сестре после пришлось несладко. Для Ани чувства имели огромное значение. Она не могла быть с не любимым. Не могла притворяться и играть в любовь. Мне было проще. Я, наверное, родилась уже такой. Такой – это не ставящей на первый план чувства к мужчине. И если очень надо, я могла и подыграть. До НЕГО, мужчины не занимали в моём сердце особого места. Может, это заслуга Коршунова. Даже не может быть, а, скорее всего. И мужчины после него только усугубили моё недоверие к сильному полу.

В феврале тридцать восьмого я не дождалась сестру во дворе. Пошла к сеновалу. Ночь была морозная. Небо чистое чёрное с яркими звёздами и огромной луной. Снег задорно хрустел под ногами. Поёжившись от холода, я потихоньку шла поторопить Аню. Неужто совсем заигралась и о последствиях не думает. К сеновалу по сугробам на чужих огородах, я пришла за полчаса. Долго. Когда нет снега эта дорога занимает не больше десяти – пятнадцати минут. Подойти ближе к большим дверям, я не сразу решилась. Побоялась, что собаки услышат меня и подадут голос. Выдавать сестру с любовником мне очень не хотелось. Но было уже почти десять. И Гришка мог приехать в любую минуту или уже сидит дома. А жены-то нету! Не дай бог, придёт к нам, а там ему скажут: «Аня ушла ещё в шесть». Вот проблем потом не оберёшься. Как ни странно, собаки не услышали. А, может, на мороз не захотели из тёплых будок выскакивать. Лапы-то на снегу мёрзнут.

С сеновала доносился смех Ани.

Я тихонько её позвала.

– Аня?

Тишина. Потом суета. Сестра вышла укутанная в тулуп Федьки и вся растрёпанная.

– Ты что кричишь?

– Поздно уже. Домой пора. Я замёрзла жутко. Жду, жду, а ты не идёшь.

Анька скривилась и выдохнула. Пар из её рта осел инеем на воротнике тулупа и её ресницах.

– Холодно. Гришка в Витебске останется. Точно на ночь не поедет, – рассудила она.

– Сума сошла? – перебила я сестру. – А если приедет. Тебя не найдёт! К нам прибежит! Анька сильнее укуталась в тулуп.

– Лиза, надень платок, сходи ко мне. Если Гришка там, за мной прибежишь. Ну, будто я у вас задержалась. Или лучше с тобой заговоришься на улице. А? – уговаривала меня сестра.

– А если со мной пойдёт? – настороженно спросила я.

– А ты в дом не заходи. Свет увидишь – за мной беги. Ясно.

Возразить сестре я не успела. Анька скрылась за дверью. Видно, от любви у неё напрочь чувства самосохранения и осторожности отказали. Я огородами вышла на Красную Слободу. Повязала сестрин платок. Уши сразу зажгли. По огородам я пробежалась голой головой, неся яркий платок под шубой. Мало ли кто в окно посмотрит. У нас только у Аньки такой приметный головной убор. Не дай бог, потом сплетни пойдут, что мужняя жена по ночам огородами бегаёт, а не чинно по улице домой идёт. Хотя отчасти они будут правы.

В окнах Коршуновского дома света не было. Только во дворе натоптано, и дверь скрипела от сквозняка. Первое, что пришло в голову: «Забрался кто!». Я открыла дверь и вошла в сени. Дверь на чердак тоже была открыта. Поэтому и сквозило. Несмотря на наказ сестры в дом не хоть, я всё-таки вошла. Из любопытства, что ли? Когда я зашла в переднюю комнату, тяжёлая дверь за мной с грохотом закрылась.

– Ну, и где же ты была?

Голос Гришки донёсся с дальнего угла комнаты. Там, где у сестры обеденный круглый стол.

– Я уже подумал, что ты и вправду осуществила свою угрозу. Повесилась мне назло! – тишина была недолгой. Звук похожий на стук стакана об деревянный стол, заставил меня вздрогнуть. – Я даже на чердак слазил, – усмехнулся. – Только там можно верёвку закрепить.

Гришка сидел в потёмках и пил наедине с собой. Запах водки долетал до меня с его словами.

– Ты где была?! – гаркнул он вставая.

Испугавшись, я прижалась к закрытой двери. Платок предательски сполз с головы. В свете луны я смогла разглядеть замешательство, застывшее на его лице. Платок Анькин, но это не Анька. Лизка. В этом удивлённом состоянии он прибывал недолго. Налив ещё водки, Анькин муж выпил. Стакан со стуком опять встал на стол.

– Где Аня? – как-то зло спросил он.

– Дома, – быстро соврала я.

– Её дом теперь здесь! – заревел он и стукнул кулаком по столу.

Пустой стакан подпрыгнул от удара и скатился на пол. Звяк! Стекло разбилось. Бутылка водки не скатилась, но разлилась. Запах спирта заполнил всю комнату.

– Почему на тебе её платок? – в тоне его голоса теперь отчётливо улавливались нотки раздражения.

– Так она мне его подарила, – опять соврала я, на этот раз мой голос дрожал. – Я идти сюда не хотела. Она сказала, что платок мой, если схожу, посмотрю, приехал ли ты. Дома одна боится спать. Вот и ходит к нам.

Как быстро я научилась лгать. Впервые в жизни на ходу я придумывала небылицу и хотела в неё верить. Нет, тогда я верила в неё. Не веря, я не смогла бы так искусно врать. Врать, глядя прямо на него! Не отводя ни на секунду взгляда с его лица. Дорогой мой читатель, оказывается, ложь женщине даётся очень легко, когда она загнана в угол, и некуда бежать.

– Подарила, значит, – опять со злобой он сказал.

Гришка в два шага оказался прямо передо мной. Снял с плеча, повисший платок и прижал к своему носу. Жадно вдохнул его запах.

– Так легко мои подарки дарит.

Он не спрашивал. Он, будто, говорил сам собою. Мне стало не по себе, и я отодвинулась немного в сторону. Дверь открыть всё равно не смогла бы. Слишком близко мы стояли возле неё.

– Можешь забрать, – еле слышно прошептала я.

– Оставь. Ей не нужен, – и протянул злополучный платок мне.

Но как только я потянулась, взять подарок, Гришка схватил мою руку. Сильно дёрнул меня к себе. Я впечаталась в его грудь. Это произошло так стремительно быстро, что сопротивляться не было смысла. Коршунов сжимал меня в своих жилистых руках и тут же срывал одежду. Я слышала сквозь его сопение, как она рвётся по швам. Разбрасывая мои вещи, он бросил на пол и меня. Я попыталась вырваться. Отползти от него. Но куда там! Что хрупкая девушка может сделать здоровенному мужику. Ничего. Мои попытки только раззадоривали его. Я даже не могла кричать! Его рот не давал мне позвать на помощь. А услышал ли кто-нибудь меня? Нет! Это понимаешь потом. Дома стояли на приличном расстоянии друг от друга. Толстые стены заглушали любые крики. Я была в западне. Помочь мне было некому. Та ночь до сих пор, словно в тумане. Наверно, моё подсознание всё стёрло из памяти, что причинило мне так много боли. Боли не столь физической, сколько душевной. Он овладел мной на полу, дыша мне в лицо смесью спирта с табаком. Этот горьковато приторный привкус был ещё долго на моём языке. Хуже того Гришка сполз с меня, как только кончил, и уснул. Даже не уснул. Он захрапел, как хряк! Словно не было ничего. Словно он только что не надругался над сестрою своей жены. Для него это было обыденно, что ли? Вот так жестоко, по-скотски поступать

с девушкой. Брать её против её же воли! И даже выпитый алкоголь не может оправдать его поступка.

Он стал первым моим мужчиной. Коршунов украл у меня целый период мой жизни. У меня не было ухаживания, встреч, первой любви и всего того, что отличает юность от зрелости. Он одним своим поступком уничтожил во мне веру в мужчин. После него я больше не связывала в едино любовь и мужчин. Поднимаясь с того пола, я была уже другая. Не сломленная, но разбитая. Не жестокая, но озлобленная. Он был только первым, но не худшим и не лучшим.

Само насилие я не помню. Я помню чувства, которые меня одолевали. Помню ноющую боль во всём теле. Я помню, как стояла в центре городской площади, а как туда шла не помню. Шуба расстёгнута. Проклятый платок я держала в руке. Он пушистой красной змеёю висел и покачивался. Я дрожала, но дрожала не от холода. Я просто дрожала всем телом. зуб на зуб не попадал. Звёзды так же мерцали в черноте неба. Огромная луна освещала город, даже лучше фонарей. Ничего не изменилось! Земля не остановилась. Изменилась только я!

Куда идти? Я не знала, куда и кому идти. Стоя на пустынной площади, я смотрела по сторонам. К сестре? Нет, зачем? Ей сейчас точно не до меня. Домой? Домой мне меньше всего хотелось. Лишние вопросы. Осуждающий взгляд матери. Почему-то я была уверена, что мама скажет: «Сама виновата!». К Милице? Проблем не оберёшься на свою голову потом. Кривилочка разнесёт, как сорока, по всему городу: «Лизка с Гришкой кувыркалась!». Лунная дорожка подсказала. Она вела напрямиком к хатке старой еврейки. И я подумала: «А почему нет? Она видела моё появление на свет. Так пусть посмотрит, как низко я пала». И я пошла по искрящемуся на свету снегу. Каждое движение мне давалось с трудом. Я стала сильнее ощущать боль, но не мороз. Горели щёки, руки, колени. Только сейчас я заметила, что валенки обуты на босые ноги. Под шубой изорванная сорочка и спущенный до талии бюстгальтер.

И этот хруст снега под ногами, меня начал раздражать. Каждое хрусь, хрусь, хрусь... действовало на нервы. А ведь только час назад, я любила этот хруст. Не выдержав, я заплакала. Нет, даже не заплакала. Я зарыдала!

ГЛАВА 5. Бабушка Есфирь

Есфирь Исааковна быстро открыла дверь. Мне не пришлось мёрзнуть на морозе. Её собаки Мося и Муха пропустили меня во двор, не издав ни единого звука. Впрочем, как всегда. Я была частым гостем у их хозяйки. Они ко мне привыкли и уже довольно виляли хвостиком, как только я появлялась на горизонте. Даже огромный чёрный кот Васька любил прижиматься к моим коленям. Этому лентяю трудно угодить и никто ему не нравился. Шипел и урчал на чужих.

В этот раз бабушка Есфирь открыла дверь и, ахнув, прижала ладонь ко рту. Ей не нужно было объяснять, что со мной произошло. Она и так всё поняла. Стащив с меня шубу, усадила возле печки. Бабушка укутала меня в одеяло. Меня трясло и даже после того, как я согрелась, меня продолжало трясти.

– Кто? – спросила она, протягивая кружку с травами.

– Гришка, – заикаясь, ответила я. – Что мне теперь делать? Как в глаза ему смотреть. Матери и сестре? А люди то, чего скажут? стыдно.

Я отпила глоточек и закашляла. Чай был очень горячим и горчил. Бабушка села рядом. Она обняла меня и погладила по растрёпанным волосам.

– А ты ему в глаза смотри. Они этого боятся. Боятся, что душу их увидишь. Все тайны по глазам прочтёшь. Это тех, кто в пол смотрит, они не помнят. Безликие для мужчин те женщины. Они тени. Они никто. Ты в самые глаза смотри и не отводи взора. Ясно? Никогда не отводи. Пусть ему будет стыдно, а не тебе. Твоей вины в этом нет, Лизка. Бог женщине дал красоту не для того, чтоб она её стыдилась. Он пусть стыдится и боится сам себя!

– А мама, а сестра, а люди! – слёзы опять просились наружу.

– А что мать? Мать у тебя глупая баба. Жизнь свою не прожила, а просуществовала. За прошлыми тенями всё гоняется, а вокруг себя ничего не видит. Ей бы помолчать, а не уму учить. Сестра сама хороша. С Федькой любитесь, а ты за её грех платишь. Сестре ты ничего больше не должна и не ей тебя судить. А люди? Что люди? Ты думаешь, они чисты и безгрешны? О... – протяжно сказала она, – если бы ты знала, сколько тайн они здесь оставили. Тысячи лет не хватит рассказать о каждом грешке, – она кивнула в сторону большого стола посередине хаты. – Травы иногда бессильны избавить от ненужных плодов прелюбодеяния.

Я слышала про аборт, но боялась даже думать про это. Тем более в СССР они были запрещены. Их делали подпольно. Нередко после этого женщины умирали от кровопотери и заражений. Счастливицей можно назвать каждую выжившую, но за это было заплачено бесплодием. Я представила, как на этом столе, бабушка Есфирь вырывает нежеланный плод. Меня передёрнуло от страха. Я посмотрела на неё. Не знаю, может, в моих глазах она увидела осуждение, что сказала мне:

– Не я греховна за это. За свои грехи я отвечу. Их у меня предостаточно за такую долгую жизнь. Они пусть за свои грехи отвечают перед Богом или партией. Кто теперь у народа светоч веры?

Это всё понятно. Но одно мне не давало покоя. Откуда Есфирь Исааковна узнала о Федьке и Аньке. Мы так тщательно всё скрывали. Но, видно всё-таки шило в мешке не утаишь.

– О сестре, откуда знаешь, бабушка? – спросила я.

– По глазам, милая. Твоя сестра счастье своё скрывать не умеет. Она изнутри этим счастьем светится. Только слепой и глупец не рассмотрит измену. Гришка дальше носа не видит. Рога уже за балки в доме цепляются, – она засмеялась. – А ты вот другая, Лизонька. В тебе я вижу силу. Ты меня напоминаешь в молодости. Такая же. Ты неглупая, девочка, сама всё поймёшь, что к чему в этой жизни.

Хоть убейте меня, но в ту ночь, я ничего не понимала из её слов. Мне было уже хорошо и спокойно в маленькой хатке старой еврейки. Травки начинали действовать, что ли?

– Ну, что допила? – спросила она.

Я кивнула в ответ и отдала ей кружку. Травки и вправду помогли. Боль ушла. По всему телу расплзалась теплота. Я успокоилась. Плакать больше не хотелось.

– Что это за чай? – из любопытства спросила я бабушку.

Она усмехнулась.

– А ты и не помнишь уже, какие мне травы помогла этим летом собирать? – сказала Есфирь Исааковна и поцеловала меня в макушку. – Валерьяна, мелиса, боярышник. Всего понемножку и зелье спокойствия готово.

Убрав кружку на полку, она достала ступку. Отрывая листочки от пучков травок, висящих в углу возле печки, бросала в ступку. Потом принялась растирать пестиком, пока сухая трава не превратилась в муку.

– Что ты делаешь?

Мне было интересно, чем ещё бабушка собиралась меня напоить. Судя по аромату, витавшему по хате, это будет-то ещё зелье.

– Ты же, Лизонька, понести не хочешь? – не отрываясь от дела, ответила Есфирь Исааковна.

– Нет! – воскликнула я.

Надо же, а я вот об этом неприятном факте и не подумала. Хуже насилия может быть, только плод этого насилия. Растить ребёнка Гришки мне категорично не хотелось. Он бы стал напоминанием мне о той ночи. Я всегда была твёрдо уверена, что дети – это плоды настоящей любви. Тогда их любишь сильнее жизни. А смогла бы я полюбить дитя, зачатое вот так? На полу в грязи? Даже не знаю. Может, материнский инстинкт всё же взял бы своё. Но этого я никогда не узнаю. У меня будут дети, но от любимого.

– Ну вот, любушка, это заваривать кипятком и пить недельку другую по три раза в день. А потом каждое утро, чтобы не понести. Ясно, Лизонька? – она высыпала измельчённую травку из ступки во льняной мешочек.

– Я избегать его буду, – сильнее прижав к себе края одеяла, сказала я.

– Ох, милая, если бы, так всё просто было. Ты избегать будешь, а он? Совести у Коршунова нет. Отрезвеет и на трезвую голову тебя захочет. Не спрячешься ты от него.

– Я отбиваться буду!

– А сегодня, что не отбилась? – она посмотрела на меня с улыбкой.

Я отвернулась.

– Во то-то. От мужика не отобьёшься. Только если убьёшь. Убьёшь – посадят. Зачем жизнь себе ломать, да нервы портить. Да и Гришка руки распускать любит, если что не так.

Я была шокирована её осведомлённостью о пристрастиях Коршунова.

– Бабушка, а тебе откуда-то знать? Может, отрезвеет и не вспомнит ничего. Он же напился до поросячьего визга. Ещё стакан и дойти бы до меня не смог.

Она хитро улыбнулась и присела рядом со мной.

– Лизонька, ты не серая мышка, чтобы тебя не вспоминать. Вон, какая красавица, – она погладила меня по волосам. – Тут на днях девка из Козловки приходила. Поздно пришла. Травки уже не помогли бы. Пришлось вырывать Гришкино семя. Так, что муж твоей сестры ещё тот походун. Не сомневайся, ползет.

– Не хочу! Он зверя лесного хуже, – я опять заплакала, закрыв лицо ладонями.

Бабушка Есфирь обняла меня и как маленькую, принялась гладить по спине. Её руки всегда успокаивали меня и снимали боль. Только в этот раз у меня болела не разбитая коленка, а душа.

– Полно, девонька. Поплакала и будет. Слёзы горю никогда не помогали. И зверя приручить можно. Мужик и зверь одно лихо. Зверю мясо нужно, а мужику ласка. Зная, что хотят мужчины, ими можно управлять.

– Да, противен он мне, – ещё сильнее заплакала я.

– Он в твоей жизни ненадолго. Судьба сама отведёт его. Я уже почти век прожила и много чего знаю, милая.

Она прикоснулась к моим щекам своими ладонями. Её пальцы были шершавые, но такие тёплые и ласковые. Аромат сухой травы, исходивший от её рук, успокаивал. Есфирь Исааковна прижала меня сильнее к себе. Эти объятия были для меня самые нежные. Моя родная мать никогда так меня не обнимала и не жалела. Сколько себя помню, всегда в трудную минуту рядом оказывалась бабушка Есфирь. Я упаду. Она поднимет со словами: «Вставай. Всегда вставай. Даже если трудно, всё равно поднимайся на ноги. Не лежи на потеху толпе». Я разобью коленки. Она промывает их и говорит: «Не плачь. Боль проходит, а слёзы высыхают». Меня дразнят. Она разгонит недругов и скажет: «Ты та, кем сама себя считаешь». Она всегда была рядом со мной или я всегда стремилась к ней. Я уже и не знаю. Родную бабушку я никогда не вспоминаю. Её место в моем сердце заняла чужая мне женщина. Чужая, но такая мне родная. Родная, пусть не по крови, зато по духу.

Время в тёплых руках бабушки Есфирь летело незаметно. Я выплакалась у неё на плече. Повела всё, что на душе, а она всё это время меня утешала. Есфирь Исааковна шептала:

– Пройдёт. Всё пройдет милая. Время лучшее лекарство от горя, ненависти, боли, обиды и любви.

Старые часы пробили четыре утра. Я вспомнила о доме. И в это мгновение я поняла, что пойти туда мне не в чём. Вся одежда изорвана. Придя в таком виде, мне точно не избежать разговора с родителями. Да и не дойду я до них. Околею по дороге. На улице зимой все минус тридцать пять. От мороза трещат деревья. Знаменитые февральские морозы. Валенки и шуба на голое тело не спасут от них.

Бабушка Есфирь открыла старинный огромный сундук в углу хаты. Я не замечала массивный предмет мебели раньше. Наверное, потому что его надёжно скрывали вязанная крючком белая скатерть и подушки по краям. Всегда думала, что это такой диванчик. Ну, или комод. А этот сундук надёжно прятал в своих недрах тайны Есфирь Исааковны.

– Иди посмотри. Может, что-нибудь подойдёт? – позвала она. – Фигуры у нас похожи. По крайней мере, у меня такая же была лет пятьдесят назад.

Я подошла и обомлела. Даже тусклый свет от лампы не мог скрыть красоту этих нарядов. Платья из атласного шёлка, из мягкого бархата, из тончайшей шерсти. Такие струящиеся и лёгкие. Сорочки из белоснежного хлопка. Корсеты. Пояса для чулок. Сами чулки. Всё такое женственное. О, если бы я могла передать всю палитру эмоций от прикосновения к этим вещам. Это невозможно описать. Это надо прочувствовать. Всё-таки качество до революции в России было лучше. А, может, и не в России. Все эти жутко дорогие атрибуты женской красоты когда-то носила Есфирь Исааковна. Мой восторг сменился интересом, когда среди одежды я увидела альбом для фотокарточек. Он лежал в стороне на платьях. Видно, старушка часто его смотрела. Удел всех пожилых одиноких людей вспоминать своё прекрасное прошлое. Прошлое, в котором, кроме тебя, есть ещё десятки родных людей. В настоящем у бабушки Есфирь никого не было. Наверное, время забрало всех, кто был ей дорог. Единственный человек, кому она была не безразлична – это я.

– Можно?

Неловко спросила я. Всё-таки не каждого захочешь впустить в давно ушедший мир.

– Да, – разрешила она. – В старости мы вспоминаем свою жизнь. Рассказываем о ней своим детям или внукам. У меня никого нет. Вот уйду, и никто не будет знать, кто я и как

жила. Моя жизнь канет в небытие. Будто меня и не было. С годами этого боишься больше самой смерти. Может, хоть ты вспомнишь обо мне. Я буду жить в твоих воспоминаниях.

Она сама достала альбом. Есфирь Исааковна села на лавку возле стола. Я примостилась рядом. Неподвижно мы просидели ещё минуты две. Она всё ещё не решалась открыть альбом.

Я слышала, как трещат поленья в печке. Как скребётся мышь под полом. Негодник Васька, тёрся об мои ноги, и ухом не вёл в ту сторону. Я слышала ровное дыхание бабушки. Я видела, как её пальцы побелели. Они с силой вжались в обтянутую бархатом обложку фотоальбома. Это даже не смог скрыть тусклый свет. Она боялась впустить меня так близко в своё прошлое или просто не хотела заново пережить боль от воспоминаний.

– Здесь не все фотокарточки, – наконец-то нарушила она тишину.

– А где они?

– У семьи моего брата в Полоцке, – на щеке бабушки блеснула маленькая слезинка. – Я умерла для своей семьи и своего народа.

Ещё с детства я заметила, что сенненские евреи избегали её. Они называли бабушку Есфирь «гишмате». Её всегда обходили стороной. Даже на самые тяжёлые роды не звали. А она была лучшей акушеркой. Ни один дипломированный медик в Сенно не мог с ней сравниться.

Когда Есфирь Исааковна открыла альбом, я не смогла удержаться и ахнула. Подумать только, как же она была красива. Чёрные волосы, убранные в высокую причёску, редкими прядями спускались на точёные плечи. Глаза! Я всегда смотрю на глаза. Фотографии прошлого века и моей эпохи были чёрно-белые, но даже этот контраст смог передать их глубину и выразительность. Прямой нос. Полные губы. Тонкая шея. Изящные линии плечиков. Пышная грудь. Всё это подчёркивало платье с низким декольте по той моде.

Молодая Есфирь сидела на стуле с высокой спинкой. Локоть её руки чуть касался ободка спинки. Рядом стоял красивый и статный мужчина в форме царской армии. Его тоненькие усики закрученный кверху, не придавали солидности лет. Он был не старше Есфирь. И, точно, не еврей.

Я подняла с фотокарточки глаза на бабушку. В моём мозгу пулей пронеслась мысль: «Я ведь тоже стану такой». Страх перед неизбежной старостью заставил сильнее прижаться к старушке.

Все красивые женщины боятся стареть. Они испытывают неподдельный ужас, когда на безупречном лице появляется намёк на первую морщинку. Мне до отпечатков времени было ещё далеко, но это уже пугало меня. Я буду когда-нибудь вот такой дряхлой старушкой. Никто не подумает, что в прошлом я была красавицей.

Стыдно признать, но в бабушке Есфирь я всегда видела старуху. Я никогда не представляла её молодой. Наверное, потому что, сколько себя помню, она всегда была старой.

Есфирь Исааковна обняла меня. По моим глазам нетрудно было догадаться, особенно ей, о чём я сейчас думаю.

– Не бойся старости. Она к тебе придёт нескоро, – и поцеловала в щёку своими сухими губами. – Каждая моя морщинка – это год моей жизни. Я не отдам ни один мой год за целую новую жизнь в молодом теле. Это будет предательство к тем, кто меня любил, и кого любила я. Память о них я не предаю забвению

– Расскажи, – попросила я.

Мне ужасно захотелось послушать воспоминания Есфирь Исааковны. Рядом с нею я забыла о своём горе. Я была в безопасности. Мне было хорошо в её хатке.

– Расскажу, раз альбом достала, – грустно улыбнулась она. – Я родилась в далёком 1860 году. В другом государстве, но в этом городе. Моего отца звали Исаак Самуилович Фридман. Он был довольно успешным купцом. Имел лавку и, даже склад. Лавки, правда, теперь нет. Снесли. Склад, посеяй день, используют. Дом наш тоже стоит. Только его разделили и живут там

две семьи. Моя мама – Сара Адамовна, как и все женщины того времени занималась исключительно семьёй и домом. У меня были два младших брата. Моисей и Зелик.

Сенненская еврейская община была очень закрытая. Чтобы сохранить чистоту крови браки заключались между родственниками. Меня сосватали за Яшку, двоюродного брата. Ох, как мне он был противен. Долговязый. Худой. Вечно шмыгал носом и вытирал его рукавом. За это его все звали «Сопля». И я так называла. Только от этого мне не было лучше. Замуж за него я всё равно должна была выйти. Отец считал, что любовь в браке не нужна. Главное, достаток. А у дядьки в Полоцке было побольше добра. Как старшему сыну ему отошла львиная доля наследства. Вот и сговорились они поженить старших детей, чтобы всё в семье оставалось.

Я, наверное, и замуж бы пошла, но не вышло. Чему и безмерно рада.

Дочка шляхтича Бельского замуж выходила. Домой приехал со службы сын с другом. Перед самой свадьбой друг молодого пана зашёл к нам в лавку табакерку купить в подарок старому пану Бельскому. За радушие, так сказать. В лавке тогда никого не было, только я. Столько лет прошло, а я до мельчайших подробностей помню все эмоции, что охватили меня. Он только посмотрел своим голубыми глазами в мою сторону. Волна смутения накрыла с головой. Меня бросало, то в жар, то в холод. Мои ладошки вспотели. А он ещё попросил и белый шёлк посмотреть. Я дрожала, разматывая перед ним рулон ткани. Вечером того же дня, друг шляхтичей Бельских гарцевал на своём коне по площади за мной, прося свидания. Я назначила на берегу озера в полночь. Я легко сбежала на свидание. Мать после настоек крепко спала. Отец с братьями был в Полоцке. Препятствий не было. Да и кто бы меня удержал. Через несколько дней Серж Вольсков уехал и забрал меня с собою. Я сбежала из дома в одном платье. Не знаю, что чувствовали мои родители, когда не нашли меня в комнате. Только записку на столике: «Простите. Не ищите». Я опозорила свою семью втройне. Бежала с русским. Вышла замуж за русского. Приняла другую веру.

Мы недолго были счастливы. Семья Сержа тоже не принимала этот брак. Они считали, что еврейка не подходящая пара. Но, нам было всё равно. Мы не расставались ни на минуту. Его полк отправили на Балканы. В 1876 году Россия начала войну с Турцией. Мой муж служил в Дунайской армии, а я помогала в военном полевом госпитале. Там я познакомилась с военным врачом Сорокиным. Он заметил во мне талант к медицине и определил к себе в помощницы. Я даже ассистировала ему при операциях. В то время – это что-то нереальное. Женщин и близко к операционному столу не подпускали, а я ассистент хирурга. Он выбрал меня среди десятков претендентов мужчин. В этом же госпитале я и узнала, что стала вдовой. В 1877 году турки начали наступление под Кацелево. Их отбросили. Радость сменилась горем. На моих руках умер Серж. Он даже не пришёл в себя, когда Сорокин начал операцию. Меня оттащивали от окровавленного трупца мужа. Я всё кричала и кричала. А потом потеряла сознание, – она стёрла со щёк слёзы. – На похоронах меня не было. Я болела. В тот день я потеряла не только любимого. У меня случился выкидыш. В семнадцать лет я стала вдовой. Его семья меня не приняла. Моя прокляла. Я была в полной растерянности. Не знаю, что со мной бы приключилось, если бы не Сорокин. Матвей Валентинович сделал мне предложение. Я согласилась. Я стала его женой, но постель мы никогда не делили.

– Он вроде не был стар, – перебила я, вертя в руках фотокарточку Сорокина.

– Ооо, – она засмеялась. – Он не стар, конечно. Только женщины его не интересовали. Мы были хорошими друзьями в браке, но не супругами. Ему нужна была ширма для начальства. Гомосексуализм не в чести. Ты можешь быть прекрасным врачом, военным, меценатом, но если об этом изъяне узнает общество, всё пиши, пропало. Подозрения с него снялись сразу, как только он женился на мне. Я могла иметь любовников на стороне, но не афишировать свои связи, – она засмеялась снова, но уже повеселее. – Я всегда говорила своим поклонникам, что мой супруг очень ревнив. Он прекрасно играл роль ревнивца. Матвей настаивал на моём образовании и сам учил меня. Я работала с ним в Голицынской больнице. Это было прекрасное

время. Как ведущего специалиста Матюшу приглашали на все приёмы и балы. Но, всё хорошее, как и плохое, заканчивается. В 1903 году я стала вдовой во второй раз. Когда не стало Матвея, меня уволили. Много недругов он себе нажил за время своей практики в больнице. Больше по причине либеральных взглядов. Он поддерживал женщин в их стремлении к независимости от мужчин. Ещё революционеров. Трогать его никто не смел. Слишком хорошим хирургом он был. Но, как только Матвей умер, на мне отыгрались сполна. Замуж в том возрасте я уже выйти не могла. Бывшие любовники разбежались, а кто и покинул этот мир. В 1906 году мне пришлось вернуться в Сенно. Оно встретило меня холодно. За десятки лет про меня не забыли. Мой народ не забывает предателей. А твой народ всегда ненавидел свободных. Убежав в 1876 году, я доказала, что оковы традиций лишь у нас в голове. Никто не вправе решать за тебя твою судьбу. Это твоя жизнь. И только ты за неё в ответе.

Как же она была права. Есфирь Исааковна прожила интересную жизнь. И пусть она вернулась в Сенно на склоне лет, но никто не похвастается такой насыщенной на события судьбой. В тот вечер она о многом мне рассказывала. Всю её жизнь невозможно пометить на листок бумаги. Её надо прожить. Она любила. Она была на войне. Она лечила людей в больнице. Она была причиной дуэлей. По её вине чуть не распались несколько влиятельных семей. Она жила и дышала полной грудью воздухом свободы от традиций и нравов. И никто не вправе её судить.

Как-то Есфирь Исааковна сказала мне: «Женщине можно всё простить. Измену семье, мужу, родине, воровство, мошенничество, ложь. Единственное, что нельзя простить, это убийство собственного ребёнка. Это прощению не подлежит».

Я ушла на рассвете. Теперь, я точно была уверена, меня не сломить. Моя жизнь только начинается и все невзгоды в ней проходящие.

ГЛАВА 6. Позор семьи

Почему так? Почему именно так? Почему мужчина, изменяющий жене не так строго осуждается обществом, как жена, делающая то же самое. Почему мужчина, имеющий несколько любовниц, молодец. Его одобрительно хлопают по плечу друзья и хвалят. Мол, он гигант, самец, донжуан, Казанова. Женщины глядят с замиранием сердца на того ходока. А вот его любовницам выпала другая карта – всеобщее порицание. Их называют «шлюхами», «гулящими», «проститутками». И это заметьте, не самые обидные прозвища я привела в пример. Мужчины с презрением отзываются о них. И сами же грубо подкатывают в надежде, что обломится. А что, если Филька смог, то я хуже, что ли? Женщины ненавидят их ещё больше. Это же к ним бегут их благоверные. Я стираю, убираю, готовлю, рожаю ему детей, а эта шалава хвост распушила и мужика увела. Вот так думают верные жёны неверных мужей.

Такое осуждение. Такая жгучая ненависть. И за что? За то, что посмели на себя примерить шкуру мужской свободы! Женщина – твоё место на кухне, а мужчина – охотник и добытчик! Вот он и охотится и добывает свою любимую дичь – другую женщину. Своя уже поймана и одомашнена. Адреналина нет! Это разделение на наседку и охотника веками загоняли женщину в угол, заставляя их забыть о своих потребностях и чувствах. Нами торговали, как породистыми лошадьми, на ярмарке невест. Наша цена зависела от красоты, девственности, плодовитости и приданого. Ладно, отцы! Им никогда не понять своих дочерей. Они судят с мужской колокольни. Но мамы! Прожив, как прислуга у собственного мужа, ничего не видя лучшего в жизни. Их кругозор веками не отличался разнообразием. Хозяйство, дети, муж. Наши мамочки желают нам того же! Как это понимать? Они говорят нам, если мы ведём себя не соответствующе своему полу: «Ты девочка, так нельзя», «Девочки так не делают», «Девочки будущие жёны» и так далее. Наши матери желают нам выйти замуж и так же жить?! Стирать, готовить, рожать, терпеть и презирать всех соперниц. Уведут ещё такое счастье. Месть собственным детям? Я так жила и вы так жить будите! Смиритесь – другой участи вам не видать. А если дочь пойдёт наперекор традициям и правилам общества, мать сама же первая примет в штыки бунтарку. Ведь для неё общественное мнение важнее желания дочери. Не вышла замуж до 25 лет? Позор! Старая дева. Переспала до свадьбы с мужчиной? Позор! Гулящая. Родила в девках? Позор! Пятно на чести семьи, чуть ли не до седьмого колена. Мужу изменила? Позор! Падшая женщина. С мужиками гуляет? Позор! Позор! Позор! Кругом один позор. Тебе плюют под ноги. Твоё имя на слуху у каждого. От тебя демонстративно отворачиваются. А вечерашние подружки, извращают каждое сказанное тобою слово. И всё это потому что ты не вписываешься в привычный уклад провинциальной жизни.

Так жизнь Ани и моя для матери была важна, только с точки зрения чужих бабок и дедок. Вечное: «что скажут люди!». Мы с сестрой стали настоящим кошмаром всех родителей. Ладно, одна дочь опозорила мать и отца. В семье не без урода. А тут сразу обе!

Измена сестры была раскрыта глухой бабой Клавой. Слуха-то нет, глухая тетеря. А вот глаза, что у сокола. Сплетни по городу пошли в начале тридцать девятого. Не было ни одного человека, не знающего об Ане и Феде. Сенненские кумушки смаковали все подробности измены. «Жена Коршунова на сеновале любитя с Федькой – одноклассником своим», «Коршунов врагов ловит, а собственную жену поймать не может», «Не ржавеет старая любовь! Анька с Федькой гуляет, пока муж – чекист родине служит» – ну, и всё в таком духе. Не удивительно, что эти слухи дошли до Гришкиных ушей. Рогоносец любовников не поймал с поличным, но жену избил сильно. Моя сестра не выходила из дома больше двух недель. Ребёнка тоже скинула. Гришка только обрадовался горю жены.

– Не мой, значит! Нагуляла, сука! – и принялся опять избивать, ещё слабую жену.

В тот вечер я была у них дома. Ухаживала за Аней, когда пришёл Коршунов. Я бросилась на него с кулаками. Я царапалась, кусалась, лупила почём зря. Как же я его ненавидела. Единственное, что он смог сделать мне, это скинуть меня со спины. Замахнулся, чтобы ударить. Но, не ударил. Я смотрела ему в глаза без страха. Слова бабушки Есфирь я запомнила хорошо: «Они сами тебя боятся. Ты заглядываешь им прямо в душу...».

– Ну, ударь! Попробуй! С бабами воевать легче, чем с мужиками, – шипела я.

Я знала то, что моя сестра не знала о мужчинах. Если хотя бы раз позволишь себя ударить, то потом по лицу ты будешь получать по поводу и без. Избивая мою сестру, меня Коршунов ни разу не ударил. Он замахивался, кричал, но никогда не бил. В моих глазах он не видел страха и это пугало его. Я не пряталась, не закрывала глаза, не дёргалась в испуге. Я смотрела прямо перед собой. Я видела хитрую душонку через его чёрные, расширяющиеся от гнева, зрачки. Не выдерживая такой стойкости, он уходил. Так было и в этот раз. Гришка опустил руку и ломанулся к дверям с рёвом раненого медведя.

– Ведьма, проклятая!

Надо же, а всего два дня назад шептал: «Ведьмочка моя зеленоглазая». Вот так переменчива любовь мужчины. Достаточно один раз показать клыки, оскалившись, и ты уже проклятая, а не любимая.

Да, я стала любовницей мужа моей сестры. И нас это устраивала. Сестра любила другого. Ей было всё равно с кем Гришка. Хоть с кикиморой болотной, только бы не с ней.

И мне тоже было всё равно. Гришка особо не таился. О нашей связи узнали намного раньше, чем об Аньке и Федьке. Сначала жалели Аню и проклинали меня – змею подколодную. В меня даже бросил грязью Стёпка Сморгин. Вечный мой недоброжелатель. С работы за аморальное недостойное поведение не уволили. Боялись. Всё-таки Коршунова девка. И Гришку не трогали по службе. Хороший сотрудник. А с кем и когда – это уже его личное дело. Главное, долг свой отменно исполнят. «Врагов народа» ловит и раскрывает исправно.

Всё изменилось, когда узнали об Ане с Федей. Город просто перетрясло от такой новости. Ничего себе семейка. Жена не лучше мужа. Хороших дочек воспитал участковый. Одна другой не лучше. И как ни странно, быстро забыли о нашем аморальном поведении. Наверное, для такого маленького городишка, как Сенно, это был перебор. Муж спит с сестрой жены, а жена бегает к любовнику. Анекдот какой-то. Или, может, тридцать девятый год был богат на события и не до нас всем стало. Германия напала на Польшу. Западная Белоруссия присоединилась к СССР. Хлынул поток беженцев – евреев с захваченных немцами земель. Их рассказы о культурном немецком народе сильно отличались от официальных. Да в череде таких событий о нас просто забыли. Только мой статус падшей женщины никто не отменял. Я по-прежнему была любовницей Гриши. Сестра по-прежнему была его женой. Пусть и покрывшей себя пятном позора, но всё же, она была его жена. На ней женились, и это делало её выше меня и неприкосновенной. А на мне после такой славы уже не женятся. Не в этом городе, точно.

В конце того же тридцать девятого у Ани родился сын. Это уже был точно ребёнок Коршунова. Федьку забрали через месяц после их разоблачения. Порча социалистической собственности – серьёзная статья той эпохи. Аня сильно убивалась, и руки на себя хотела наложить. Я сама лично вынимала её из петли на чердаке. Она плакала, вырывалась и кричала:

– За что ты любишь его? Он же чудовище!

Моя сестра думала, что только по большой любви можно спать с мужчинами. Без этих чувств – противно и гадко. Только ей было невдомёк. Выбора у меня не было. Гришка всегда добивался, чего хотел. Любой ценой и способами. Так зачем идти против течения, если можешь поплыть по течению. И сил меньше потратишь. И выгоду извлечёшь. А быть его любовницей выгодно. Да и, как оказалось, Коршунов был не такой уж законченной скотиной. По крайней мере, до тех пор, пока всё шло, как ему хотелось. Против него лучше не идти. Из щедрого и шутивного любовника он быстро превращался в жестокого и мстительного тирана. Подход

к его сердцу я нашла быстро. Им можно было управлять. Но было всегда одно «но». Гришка плохо поддавался дрессировке. Посадить на голодный секс-паёк было невозможно. Не дай – сам возьмёт. А вот если дашь, то в процессе проси чего угодно. И звезду с неба достанет. И на руках носить будет. Есфирь Исааковна опять оказалась права. Зная желания мужчин, ими можно управлять.

Отношения с Гришкой меня не радовали, но и особо не тяготили. И на общественное мнение мне было плевать. Сестре я больно не сделала. Мужа у неё не увела.

Жалко мне было только мою сестру. Анечку смешали с грязью за любовь на стороне. Будь я одна позором семьи, мне было бы легче. Я, как и прежде, гордо шла по городу, не таясь от людей. Аня, наоборот, лишний раз со двора носу не казала. Её ругали и презирали. Словно чувствовали стервятники, кого надо клевать. Слабых. Тётя Фёдора опять постаралась. Арест любимого Аню морально уничтожил. Она, как и мать, поплыла по реке однообразия и смирения. Отгородилась ото всех и от меня тоже. Хотя врагом я ей не была. Не из-за мужа она закрылась от меня. Просто желание жить угасло с арестом любимого и гибелью, не рождённого ребёнка. К своему сыну от Гришки она была холодна. Вы будете смеяться, но моя сестра поначалу бегала в Каролевичи к бабке – чернокнижнице. Просила её навести порчу на Гришку – убийцу. Высшие силы ей так и не помогли. Коршунов был здоров – здоровее. Ничто его не брало. Хоть бы простудился. А нет! Видать зараза к заразе не пристаёт.

ГЛАВА 7. Старый знакомый

Сороковой год был для меня самым спокойным. В Сенно меня больше не особо сторонились. Не отворачивались в сторону, если я встречалась им на пути. О моей связи с мужем сестры не забыли, но уже не предавали такого большого значения, как раньше. Устарела новость. Что языки зря чесать об одном и том же. Городок пяти озёр судачил о залёте дочери заведующего домом культуры. Соню, как говорится, по-матросили и бросили. Актёришка соблазнил провинциальную дурочку и укатил со своей гастролирующей труппой дальше. О беременности своей дочурки Матвей Леонидович узнал, когда живот уже скрыть было невозможно. Вот это скандал! Отличница – комсомолка и всё туда же на скользкую дорожку разврата. Девчонку было жаль. Теперь клевали её.

Эту новости мне на хвосте принесла, наша сенненская сорока – Милица Кривиличка. Как ни странно, но с бывшей подругой сестры мы сдружились. Она первая протянула руку дружбы, когда началась травля меня.

– Заходи на чаёк, Лизка! – улыбаясь при всех на площади, приглашала меня Милица.

– Мне твоя дружба не нужна! – гордо завернула я нос.

– Мой тебе совет. Лицо попроще, и вперёд с песнями. Народ пошепчется и забудет, – она легонько толкнула меня вбок локтем. – А ты молодец! Я тоже бы, его ухватила, так не даётся.

– Милица, ты шлюха! – возмутилась я её прямоотой.

– Эх, дурында! Так и ты теперь тоже! – засмеялась Кривиличка. – Нам белым воронам надо объединяться, а то чёрное воронье заклюёт.

Я отвернулась от Милицы и пошла домой. Приходя в дом, который с некоторых пор стал, что осиное гнездо, мне хотелось раствориться среди мебели. Мать изводила недовольным бурчанием. Отец молчал и смотрел на меня глазами полными разочарования. Брат дразнил дома, а на улице обновлял синяк под глазом, защищая честь сестёр. Вот что было хуже каторги. Бесконечный психологический прессинг. Если чужие люди мне были побоку, то родные морально изматывали.

К Милице в гости идти мне не хотелось. Одно дело к ней, как к соседке зайти пошить чего, и совсем другое дружбу водить с сенненской потаскухой. Но, Кривиличка была права. Я теперь не лучше. Обида и гнев распирали мою душу. Я готова была сорваться. Нет, взорваться, как вулкан. Так много во мне накопилось невысказанного. Тем же вечером я пришла к Милице. Вдвоём нам было веселее переносить бойкот, травлю и осуждение непогрешимого общества. С ней я впервые и выпила водки. Но, в отличие, от подруги, по несчастью, меня к беленькой не тянуло. Я, вообще, к алкоголю отношусь не очень хорошо. Пить не умею и не люблю. Нельзя заполнить пустоту в душе одним лишь градусом. Эффект от алкоголя абсолютно противоположный. Каждая выпитая рюмка, только расширяет эту пустоту, делая нас слабыми и зависимыми.

С того вечера меня чаще можно было отыскать у соседки, чем дома. И в один субботний вечерок я сидела у Милицы. Она заканчивала для меня платье. Материал дорогой, хороший. Подарок мужа моей сестры. Подруга никак не могла нарадоваться, строча швы.

– Качество, какое. Какой нежный и шов легко ложится. Вот бы мне, кто подарил такую красоту.

Хвалебный гимн куску материала прервал, вошедший Гришка.

– Привет, кумушки! Всем кости перемыли?

Он явно переигрывал с хорошим настроением. Пытался шутить, только в голосе звучали нервные нотки.

– Всем, да не всем. Про тебя забыли, – кокетничала Милица.

– Наговоритесь ещё. В баньку поедем? – с ходу спросил Гришка.

– Да! – обрадовалась подруга и бросила своё платье на машинку.

Согласилась, даже не спросив: «куда», «зачем», «кто будет». Я была подозрительней. В эту баньку на берегу Сенненского озера я уже ездила с Гришкой. К счастью, мы были там только вдвоём. Иногда туда приезжали коллеги Коршунова поразвлечься. Девочек привозили с собой. А тут он сразу двоих приглашает. Странно. Видно, там уже кто-то есть. Гришка приехал на машине, а не на своём мотоцикле.

– А я вот не хочу. Мылась уже, – отказалась я.

Гришка, не стесняясь Милицы, подошёл ко мне. Его пальцы – клещи впились мне в руку чуть выше локтя. Острая боль заставила меня отступить, но не свести с лица Коршунова глаз.

– Поедешь. Тебя там ждут. А взбрыкнёшь, я твоей сестре Фedyку припомню, – злобно говорил он, стараясь смотреть мне в глаза.

Эти гляделки давались ему всегда с трудом. Этот раз не стал исключением. Он отвёл глаза.

– Ты поняла, Лизка? – он говорил со мной, но смотрел поверх меня.

– Что же так суетишься, милый? – промурлыкала я. – Видно, обещали чего?

Он ослабил хватку и отпустил меня.

– Любовницу на звание поменять хочешь? – не задумываясь, спросила я.

Я никогда его не боялась. Я спокойно говорила ему то, что другие никогда не скажут. Эта мысль сама пришла в голову. Гришка натянуто улыбнулся. Скрывать ревность он никогда не умел. Будучи собственником по натуре, это решение было тяжело для него. Но, ради звания и хорошего места в комиссариате, он и на горло себе станет. А тут просто девкой поделиться попросили. Переживёт.

– Собирайся! – оскалился он. – Живо!

Собираться мне было нечего. Уже и так одета.

До хутора нас вёз шофёр. Милица его не сразу узнала. Я вот хорошо запомнила молодого солдата, которого соседка утащила к себе после свадьбы Ани. От сердца сразу отлегло. Пичугин хотел меня видеть. Почти три года прошло с нашей первой встречи, а он всё ещё помнил дочку участкового. Мне это даже польстило. Такой мужчина и помнит, какую-то девчонку, с которой связывал только один короткий поцелуй.

Милица всю дорогу щебетала с Гришкой. Он иногда поворачивался к нам и хоть с неохотой, но отвечал на глупые вопросы моей подруги. Чем ближе мы подъезжали к хутору, тем мрачнее становился Коршунов. Как же ему не хотелось отдавать меня другому. Только я жаждала, как вода, просочиться сквозь его пальцы.

Хутор из одного дома стоял, не доезжая Красной Луки, сразу за Каролевичами. Этот большой бревенчатый дом с хозяйственными постройками и колодами для пчёл выгодно прятался за тонкой полосой леса. С дороги, соединяющей две деревни, его невозможно было разглядеть. Только узкая лесная тропинка, по которой с трудом пропихивалась машина, приводила напрямиком к дому. Не только лес и тропа защищали хутор от непрошенных гостей. Огромная лохматая псина кидалась на каждого, кто осмеливался зайти за ворота. Увидев волкодава впервые, я подумала: «Хорошо, что цепь толстая. Бычья».

В этот раз собака по кличке Морда тоже встречала нас недружелюбно. Гостей и так было слишком много для его хозяина – лесного отшельника. Ещё одна машина стояла во дворе. Пёс громко хрипел и страшно лаял. Из дома вышел худой длинноносый старик и стальным голосом сказал:

– Свои.

Пёс сразу перестал надрывно лаять и опустил голову. Смотря исподлобья, он всё же продолжал выражать недовольство скалясь. В конуру ушёл только после того, как Коршунов прикрикнул на него:

– Место, Морда!

Хозяин хутора приветливо поздоровался с нами. Не знаю, что могло связывать старика с комиссаром. Отцом и дедом он Гришке не был, но мой любовник обращался к нему «дедуля». Было, правда, одно сходство в их внешности, что доказывало родство. Пусть неблизкое, но родство. И у Гришки, и у деда Макара один цвет глаз. Коршунов утверждал, что нездешний. В Сенно, да и во всей Белоруссии, у него никого нет. Вся его родня в Рязанских землях. По-видимому, и Гришке было, что скрывать от Советской власти.

Гулянка шла полным ходом. Под навесом бани, что служил беседкой, за столом сидели трое мужчин и две женщины. Все красные и мокрые. Сразу видно, что парились. Мужчины мне были знакомы. Один в особенности. Девчонок я видела впервые. Наверно, приехали с Гришкиными коллегами из Витебска. У нас таких бесстыжих не было. Увернувшись в белые прозрачные от воды простыни, сидели на коленях у мужиков. Ржали, как лошади, и пили водку не хуже парнокопытных, что воду вёдрами. У одной даже выскочила грудь из простыни. А ей всё равно. Вытаскивать сигарету с большого своего рта она успевала, а прикрыться руки не доходили.

Милица тут же шепнула мне на ухо:

– И меня ещё шалавой кличут.

Ответить ей мне не дал Гришка. Обняв нас за талии, он сказал:

– Ну, красавицы, присоединяйтесь! – и ущипнул подругу за бок, так что она подпрыгнула. – Милица, а ты купаться после баньки нагишом любишь?

– А как же! – обрадовалась Кривиличка.

Наконец-то сбылась её мечта. Коршунов сам шёл к ней в руки. Она посмотрела на меня и улыбнулась подмигнув. Мол, не обижайся Лизка. Он теперь мой. Меня это несколько не расстроило. Такое счастье я бы давно с рук сбыла.

Гришка обнял Милицу, а меня подтолкнул в сторону шумной компании.

– Лизок, иди за стол! – приказал шёпотом муж моей сестры.

Я сделала несколько шагов вперёд. Место свободное было только рядом с моим давним знакомым. Его китель аккуратно висел на спинке стула, на котором он сидел. Я сразу заметила, что звёзд на погонах прибавилось. Теперь он полковник. Одна звёздочка уж больно блестела. Значит, замачивают звание Пичугина. Причина веская, чтобы Гришка так суетился. Видно, перестановки кадров в его управлении, дали надежду на повышение и перевод из этой Сенненской дыры. Муж сестры так часто называл мой город.

– Вас можно поздравить, – начала первая я. – Помнится, у вас было только две звезды.

Он улыбнулся, не сводя с меня глаз.

– Можно. А ты не изменилась.

– О вас того же не скажу. Виски больше поседели.

– Дерзкая девочка. Мы вроде перешли на «ты»?

– Не помню такого, – откинувшись на спинку стула, солгала я.

– Ты сказала мне «отпусти», – он потянулся ко мне ближе и прошептал. – Я знаю, помнишь.

Он специально напомнил мне про тот поцелуй. Конечно, я помнила. Я всё помнила. И слова. И чувства. Только теперь моё сердце так не колотится при виде его. Меня не бьёт дрожь от хрипотцы в его голосе. Я спокойна.

– И, значит, теперь мы на «ты»? Мы так близко познакомились тем вечером, а ты мне своего имени не назвал. Нехорошо получается, товарищ полковник, – сказала я.

– Никита Андреевич Пичугин, к вашим услугам! – как в кино представился он. – Для тебя, моя красавица, Никита.

– Я ещё не твоя, Никита, – играючи, улыбнулась я.

Он мне нравился. В отличие, от Коршунова, Никита был интересный, колоритный мужчина. С ним приятно было разговаривать. Он умел слушать, ну или хотя бы искусно делал вид, что слушает. Его общество не тяготило. Такой загадочный, обходительный, культурный, учти-

вый. А эти хитрые огоньки в его серых глазах, манили меня, словно мотылька. Только в этом огне я не сгорела. Лишь слегка опалила крылышки.

Я многому научилась у Никиты. Но главный его дар мне, это – никогда никому не доверяй. Даже самые близкие предадут. Эту истину я запомнила на всю жизнь. Он сам предал меня. Предал, когда я меньше всего это ожидала.

Тогда на хуторе, я не могла поверить своей удаче. Тогда он мне нравился.

Шумная компания бегала то в баню, то купаться, то за стол. Только мы сидели друг напротив друга и говорили обо всём и не о чём. Нам было хорошо вместе. Легко. Спокойно. На мгновение, мне стало казаться, что не было тех трёх лет. Словно ничто нас не разлучало. Все куда-то исчезли. Я видела только его перед собою. Он держал мою руку. Целовал кончики пальцев. Шептал, что таких девушек, как я, нет больше на свете. Что я околдовала его. И во мне снова забилося сердце. Оно-то замирало, то колотилось, как птица в клетке, пытаюсь выпрыгнуть наружу.

На землю меня вернула Милица. Её оклик я услышала с третьего раза. Кампании надоело пить и бегать из бани в озеро. Как всем выпившим людям, им захотелось музыки и песен. У старого Макара граммофона не было. Милица вспомнила обо мне.

– Лизка, глухня, спой! – уже изрядно пьяная подруга дёрнула меня за плечо.

– Я не хочу. Пой сама! – отказывалась я.

Петь я не хотела. Тем более сейчас. И пела я в основном, когда было грустно. И сама с собою наедине.

– А я бы послушал. Спой.

Его глаза так смотрели на меня, что отказать я была не в силах. Я начала петь мою любимую белорусскую песню. Её часто пела баба Тая. Песня единственное хорошее воспоминание, оставшееся у меня о ней.

Месяц зоркі разкідаў
Мяне любы ўсё чакаў.
Месяц зоркі збіраў,
Мяне любы выпраўляў.

Не брані мяне ты маці.
Палюбіла я яго.
Што сядзець мне дзеўке у хаце,
Колі на вуліцы тямно.

Месяц зоркі разкідаў,
Мяне любы абдымаў.
Месяц зоркі збіраў,
Мяне любы выпраўляў.

Маці, ох, мяне браніла.
Па шчакам мяне лупіла.
Не аддам я батраку —
Доч адзінаю сваю!

Месяц зоркі разкідаў,
Мяне любы абдымаў.
Месяц зоркі збіраў,
Мяне любы палаваў.

Сукенку вясельну апранала
і вэлюм я прымярала.
Знайшла маці жыняха
Ці то пень, ці то труха.

Месяц зоркі разкідаў,
Мяне любы не чакаў.
Месяц зоркі збіраў,
Мяне муж пра ўсё спытаў.

Меня все слушали. Одна из девиц даже пустила слезу. В Гришкиных глазах я отчётливо видела гнев. Оно и понятно. Считай, я напомнила ему об Ане и Федьке. Мужчины такое не забывают. Когда я закончила петь, мне все зааплодировали. Даже Коршунов. Изрядно выпившая Милица бросилась ко мне обниматься.

– Лизок, ты артистка! Такой талант в глуши пропадает! Это же надо так спеть, аж за душу взяло.

Уже начало смеркаться. Дед Макар принёс керосиновую лампу и поставил её в центр стола. Света от неё было мало, а вот комаров и мотыльков прибавилось.

Я отстранила от себя повисшую на мне подругу. Гришка быстренько подхватил Милицу и усадил обратно к себе на колени. Мне тоже стало грустно от своего пения.

Весна, а ночи ещё прохладные. Сложив руки на груди, чтобы хоть как-то согреться, я пошла в сторону озера. Никита пошёл следом. Он шёл за мной, выдыхая дым сигарет. Как и в первую нашу встречу, этот дым грел мне плечи. Я не курила, но терпкий запах его сигарет был мне приятен. Когда я остановилась у самого края обрывистого берега, Никита накиннул мне на плечи свой китель. Его руки тут же обняли меня. Наклонившись, он прошептал:

– Ты пытаешься сбежать от меня?

– Я не от тебя бегу, а от них.

Его тело было таким горячим, что этот жар я ощущала через всю одежду. Я сама повернулась к нему. Вытащила из его губ сигарету и выбросила. Он изумлённо смотрел на меня, ожидая, что же будет дальше. Я поцеловала его. Этот поцелуй не был таким, как первый. Я целовала его, прижимаясь сильнее всем телом. Со страстью я кусала его губы. Запустив свои пальцы ему в волосы, я сжала ладони. С такой же грубостью он ответил мне. Целуя меня так же страстно. Жадно. Он прижал меня к себе. Да так сильно, что стало трудно дышать. Задыхаясь, мы отстранились друг от друга.

Переведя дух, он сказал:

– Не ожидал. Удивила, Лизонька!

Так же тяжело дыша, я ответила:

– Зачем ходить вокруг да около. Мы ведь оба этого хотели.

Он хитро улыбнулся, погладив меня по щеке.

– Колдунья зеленоглазая, ты сводишь меня сума.

– Седина в бороду – бес в ребро, Никита Андреевич, – шутливо констатировала я.

– Мой бесёнок...

На этот раз целовал он. Целовал, как три года назад. Нежно. Ласково. Медленно. Я не пила в тот вечер, но голова моя закружилась. Я растаяла в его ладонях, словно льдинка. Взяв на руки, Никита унёс меня в дом. До самого утра нас никто не беспокоил. Даже хозяин хутора не посмел войти и ночевал в сарае. Он взял меня не на полу. Не на сеновале. Не в бане. Не на траве. Не за столом. Нигде попало, как тех девок его подчинённые. Он любил меня на белых простынях. Именно любил, а не трахал. С ним я почувствовала себя настоящей жен-

щиной. С Гришкой я чувствовала себя кем угодно, но не женщиной. Коршунов не церемонился. Схватил. Сорвал. Взял. С Никитой всё было по-другому. Мы любили друг друга всю ночь. Я уснула на его груди только под утро. Его ровно бьющееся сердце было для меня лучшей колыбельной. Я уснула уставшая и такая счастливая!

Женщины. Мы всегда надеваем розовые очки, достаточно только встретить кого-то лучше предыдущего. Засунув голову в облака, мы начинаем идеализировать новое увлечение. Упрямо стараемся не замечать его недостатков. Я не стала исключением из общей массы влюблённых дамочек.

Никита оказался лучше Гришки. Как в постели, так и в отношениях. Я даже нафантазировала себе скорую свадьбу и наших детишек. А почему нет? Я думала, что он любит меня. Его поступки были ярким доказательством чувств. Не прошло и месяца, как Никита забрал меня в Витебск. Устроил в облисполком в отдел просвещения на знакомую мне непыльную должность. Я продолжала, как и в Сенно, строчить приказы и постановления партии. Поселил меня в своей служебной квартире. Мы зажили, как муж и жена. Только без штампа в паспорте.

ГЛАВА 8. Любовница

Каждая красotka мечтает уехать из провинциального захолустья куда-нибудь в большой город. Витебск не Москва, но уже не малюсенькое серое Сенно. Я была счастлива, оставив позади свою невесёлую семейку. Мне становилось хорошо от одного факта, что я буду очень очень редко видеть угрюмое лицо моей мамочки. А какое облегчение я испытала, поняв, что не буду каждый день видеть хитрые лица презиравших меня горожан.

Я ехала в машине Пичугина и смотрела на приевшиеся мне улицы. Меня переполняло чувство радости. Всё, сюда я больше не вернусь! Довольная сама собой. «Ну вот, – думала я, – настал мой час. Я отхватила самого завидного жениха. Рвите на себе волосы и завидуйте! Я уезжаю в Витебск, а вы останетесь здесь, кормить болотных комаров своей кровью!». Я сидела в машине и смотрела через стекло на мимо пролетавших сенненских жителей. На их серость и убогость бытия. В их жизни никогда ничего не изменится. Они никуда не стремятся. Рождаются в Сенно и умирают в Сенно. Поколение за поколением варятся в большом котле своих мелочных страстей. Живут чужими проблемами. У них нет желания вырваться из этого болота и начать свой путь заново с чистого листа.

Я была счастлива, покидая этот маленький городок, где все друг друга знают. Уже отъехав от Сенно, я вдохнула полной грудью. Я ощущала свободу от пристальных и вездесущих глаз соседок. Но одно болото я сменила на другое. Только побольше и покрасивее. Из-за эйфории от нахлынувших чувств к Никите, я не сразу разобралась в острых углах наших отношений. Мой статус не изменился. Я была и оставалась любовницей.

Я жила с ним в одной квартире. Мы завтракали и ужинали вместе. Мы проводили выходные вместе. Я готовила ему обед. Стирала гимнастёрки и гладила их. Я была почти жена. Но как вам известно, почти жена – это не жена.

С одной стороны, он был идеален. Как все влюблённые девушки, я видела в нём только достоинства. Учтивый, заботливый, нежный, щедрый, любящий. Другую его сторону, я запрещала себе видеть.

Я была счастлива в своём построенном песочном замке. Я старалась не замечать подводных камней в наших отношениях. Подводным камнем был брак Никиты. О том, что он женат уже почти тридцать лет я узнала случайно. Возвращаясь с работы, заглянула в почтовый ящик. Там лежало письмо.

От кого: Нона Аристарховна Пичугина

Откуда: Москва

Кому: Никите Андреевичу Пичугину

Куда: Витебск

Первое, что пришло в голову – это его родственница. Поэтому войдя в квартиру, я с ходу крикнула:

– Милый, тебе письмо от какой-то Ноны.

Никита взял письмо из моих рук и с нескрываемым сарказмом сказал:

– Ну, что моя благоверная пишет?

Благоверная... Жена... Меня словно окатили ушатом холодной воды. Я в растерянности села на стул в прихожей. Сумочка сама выпала с рук. Никита всегда внимательный даже не посмотрел в мою сторону. Его глаза бегали по листку бумаги.

– Ты женат? – спросила я.

Мой голос предательски дрожал.

– Да, – сухо ответил любимый, не отрываясь от письма.

– Ты не говорил об этом, – с трудом сдерживая уже подкатившие к горлу слёзы, сказала я.

– А ты и не спрашивала, – тем же сухим тоном отвечал он.

Да, я не спрашивала! Моя ли в этом вина? Или оплошность? Все эти месяцы он давал мне надежду, что мы поженимся. Нет, стоп! Какие надежды? Совместное проживание и одна постель? Разве это надежды на брак? Он жил со мной и оставался при этом женатым человеком. И тут до меня дошло. Никита никогда не афишировал наши отношения. Я всегда была в тени. Все встречи сослуживцами проходили без меня. Там же были жёны. Все походы в гости тоже без меня. Он никогда не надевал форму, идя прогуляться со мной. Не хотел запятнать честь мундира? Я любовница, но не жена. Женщина полусвета. Я есть в его жизни, но рядом с ним мне места нет. Вопреки моим рассуждениям я спросила:

– Когда ты намерен развестись?

– Что? Зачем? – наконец-то оторвав глаза от строчек, спросил, недоумевая он.

– Мы живём уже несколько месяцев...

Наивно начала я, но он перебил мою тираду домыслов.

– Нона в Москве, а ты в Витебске. Зачем мне разводиться? Развод плохо скажется на моей репутации и службе, – спокойно рассуждал он.

– Только развод? – не унималась я. Теперь гнев вырывался наружу. – А молодая любовница не повлияет на службу?

– У всех есть любовницы. Главное, чтобы личное не мешало профессиональному.

Впихивая письмо в конверт, Никита впервые смотрел на меня, как на пустое место. Он смотрел так, словно я не сидела на том стуле. Меня не было в его жизни. Нет, я была, но не играла никакой роли. У него есть жена. А кто я? Просто любовница. И, похоже, из этого болота мне не выбраться. Разводиться он не намерен. Вот засосала меня эта тряпина.

– Новый год я проведу в Москве, Лизочка. Сыновья приедут в увольнительные.

– Вся семья будет в сборе. Поздравляю, милый! – как-то отрёшённо сказала я, всё ещё прибывая в некоем шоке от новостей.

– Не обижайся. Это моя жена и мои дети.

Он подошёл обнять меня. Наверное, хотел успокоить. Я резко встала и вытянула руку. Она служила хрупким препятствием для такого сильного мужчины. Никита не стал настаивать на неуместной в этот момент нежности. Он только сказал:

– Пойми меня.

Что пойми? Что именно я должна была понять? Его обман. Он дурил мне голову и скрывал семью. Кольца на пальце не было, когда он целовал меня! Он разрушил в одно мгновение все мои мечты о счастливом браке. Мой воздушный замок сожрали чёрные тучи его лжи! Я любовница без перспектив на будущее. Он даже не собирался и не собирается на мне жениться. Его всё устраивает. Старая жена в Москве. Молодая любовница в Витебске. Не жизнь, а сказка. Я не имею никаких прав на него! И вот он заявляет, что Новый год будет праздновать в кругу семьи. А я? Что буду делать я?

Женатые мужчины заводят любовниц от скуки. Жизнь с женой давно вошла в русло однообразия. Всё спокойно. Без потрясений проходит день за днём. Вот и хотят поиграть на нервах, разбавить остывшую воду горячим молоком. Я до последнего надеялась, что он разведётся. Но, наивная девочка, какой я была в то время, не знала особенности таких отношений. Большая редкость, чтобы женатый мужчина бросил жену и детей, ради любовницы. Зачем это делать? С женою он познал настоящую любовь и создал семью. Так называемый мирок с уверенностью в спокойной старости. А что с любовницей – страсть? Страсть, которая быстро угасает. Тайна, которая надоедает и плохо отражается на сердечном ритме. Строить заново семейные отношения со всеми вытекающими последствиями, они боятся. Это же опять надо пройти все круги семейного ада. Жильё. Орущие дети, милая девочка превратится в злую ревнивую ведьму. После сорока мужчины не желают менять что-либо и так в устраивавшей их жизни.

Я была любовницей Гришки. Я осталась любовницей Никиты. И ничего не изменится. Статус любовницы, словно клеймо, впечатался мне в лоб. Будто на что-то другое я не годилась.

Как же я захотела заплакать. Плакать от сжигающей меня обиды. Я с трудом сдерживала рвущиеся на волю слёзы. И только вовремя всплывшие в память слова бабушки Есфирь: «покорять, а не покоряться», вернули мне самообладание. Дали мне силы достойно ответить ему. Ему – человеку, с которым я мечтала прожить жизнь и родить детей.

– А, знаешь, ты прав. Зачем тебе разводится. Мне двадцать. Я молода и полна сил. Тебе скоро пятьдесят стукнет. Через десять лет нам и заняться-то нечем будет. Твоей сиделкой я себя не вижу. Не хочу это право забирать у твоей жены. Как там? В болезни и во здравии, в жизни и в смерти...

Скинув сапоги и шубку, подаренную им, я пошла в ванную. Включив воду, долго плакала, сидя на краю ванны. Мне не очень хотелось, чтобы он видел мои слёзы. Не каждый день узнаёшь, что ты не невеста, а всего лишь любовница.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.